

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

Г. Н. Кочешков

Новейшая отечественная история (1917–1945 гг.)

Часть I

Учебно-методическое пособие

Ярославль
2017

УДК 93
ББК 63.3
К 55

Печатается по решению редакционно-
издательского совета
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Рецензент

доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета
Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
В. П. Федюк

Кочешков Г. Н.

К 55 **Новейшая отечественная история (1917–1945 гг.).
Часть I:** учебно-методическое пособие / Г. Н. Кочешков. – Яро-
славль : РИО ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, 2017. – 59 с.

Учебно-методическое пособие составлено в соответствии с требованиями ФГОС ВО и призвано закрепить умения и навыки, приобретенные студентами в ходе учебного процесса при изучении курса «Новейшая отечественная история (1917–1945 гг.)». Пособие включает в себя отдельные фрагменты лекционного материала, прочитанного автором данного учебно-методического пособия, а также задания по каждой теме семинарского занятия.

Издание предназначено для студентов исторического факультета дневного и заочного форм обучения.

УДК 93
ББК 63.3

© ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический
университет
им. К. Д. Ушинского», 2017
© Г. Н. Кочешков, 2017

Содержание

<i>Введение</i> _____	4
<i>Тема 1. Россия в 1917 году</i> _____	5
Предпосылки и ход февральской революции 1917 года_____	5
Временное правительство: деятельность и итоги _____	15
Роль личности в Февральской революции _____	35
<i>Библиографический список</i> _____	59

Введение

Учебно-методическое пособие составлено в соответствии с учебной программой по курсу «Новейшая отечественная история (1917–1945 гг.)» и призвано помочь студентам более глубоко и объективно изучить ключевые проблемы российской истории указанного периода времени. Учебный курс предполагает освоение основных компетенций, которые позволят студентам получить разностороннюю подготовку в плане профессионализации и становлении молодого специалиста. Данный курс представляет определенную сложность для студентов, так как включает в себя наиболее спорные вопросы, неоднозначно рассматриваемые историками. В этой связи студентам предлагается авторская интерпретация отдельных событий русской и советской истории, основанная как на аналитическом обзоре новейшей отечественной и зарубежной литературе, так и на большом количестве документального материала. В пособие включены задания для работы с источниками, которые являются важнейшей, неотъемлемой частью истории как науки. Каждое задание сопровождается перечнем вопросов, позволяющих студентам освоить основные требования, предъявляемые к анализу источника. В конце каждой темы семинарского занятия имеется список как основной (обязательной), так и дополнительной литературы. В ходе семинарского занятия студентам предлагается освоить различные виды учебно-практической деятельности: работа в мини-группах, написание эссе, подготовка рецензий на определенную монографию, тестовые задания, коллоквиумы. Главная цель издания – подготовка высококвалифицированного специалиста, приобретшего необходимые умения и навыки, которые позволят ему легко адаптироваться в школьном коллективе и при определенных условиях успешно решать серьезные научно-исследовательские задачи.

Тема 1. Россия в 1917 году

Предпосылки и ход Февральской революции 1917 года

План:

1. Отечественная и зарубежная историография о русской революции.
2. Социально-экономическое и политическое положение России к 1917 г. Причины роста социальной напряженности в столице и в провинциях.
3. Политические партии и общественные организации, их состав и деятельность накануне февраля.

Основные узловые проблемы темы.

Февральская революция положила начало демократическим преобразованиям в стране, начав сложный процесс формирования правового государства. Однако завершить эту трудную задачу российская демократия так и не смогла. Почему это произошло?

Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо тщательно проанализировать истоки Февральских событий, основные этапы развития революции, приход к власти либералов и итоги их деятельности на протяжении восьми месяцев правления.

Революция оказалась внезапной и неожиданной не только для революционеров, но и для либеральной оппозиции. Либералы неоднократно предупреждали Николая II о возможном выступлении масс, которое уничтожит царскую власть. 10 февраля 1917 года председатель IV Государственной Думы М. В. Родзянко сделал последний доклад царю. «Ваше величество, – сказал он, я ухожу в полном убеждении, что это мой последний доклад вам». – «Почему?» – «Я полтора часа вам докладываю и по всему вижу, что вас повели на самый опасный путь... Вы хотите распустить Думу, я уже тогда не председатель, и к вам больше не приеду. Что еще хуже, я вас предупреждаю, я убежден, что не пройдет трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет вас, и вы уже не будете царствовать». – «Откуда вы, это берете?» – «Из всех обстоятельств, как они складываются. Нельзя так шутить с народным самолюбием, с народной волей, с

народным самосознанием, как шутят те лица, которых вы ставите... Вы, государь, пожнете то, что посеяли». – «Ну, Бог даст». – «Бог ничего не даст; вы и ваше правительство все испортили, революция неминуема».

Но одно дело – пугать царизм радикализмом народа, другое – воочию наблюдать падение самодержавия в России. Ни одна политическая партия не была готова к столь стремительным переменам. Царская монархия рухнула практически за несколько дней.

Продолжительное время в советской историографии существовала концепция «организующей роли большевистской партии» в период февральских событий, хотя исторические факты опровергают подобную точку зрения. Существуют многочисленные свидетельства современников тех дней, в том числе и самих большевиков, убедительно подтверждающих стихийный характер Февральской революции. Так, М. Н. Покровский утверждал, что большевики были «в десяти верстах от вооруженного восстания». Петроградский большевик В. Каюров, касаясь событий февраля в столице, отмечал, что накануне революции большевики решили поддержать забастовочное движение только «скрепя сердце», ибо «никто не думал о такой близкой, возможной революции».

Застигнутые врасплох представители большевиков, меньшевиков, эсеров и других политических организаций были не в состоянии обеспечить руководство борьбой и создать штаб революции. Движение масс носило стихийный характер, ни одна сила в стране не способна была остановить грозный ход событий. Размышляя о феврале, бывший министр Временного правительства А. И. Шингарев, находясь в Петропавловской крепости после большевистского переворота, написал в дневнике такие строки: «Наивно и близоруко думать, что революцию можно делать или не делать; она происходит и начинается вне зависимости от воли отдельных людей... Она приходит как ураган и уходит чаще всего тогда, когда никто не подозревает о ее близости, или все верят в ее прочность... Многие предчувствовали ее возможность, многие предвидели и предчувствовали ее появление у нас, особенно начиная с осени 1916 года... Это логическое развитие событий в громадном масштабе под влиянием громад-

ной величины движущих сил... Революция была неизбежна, ибо старое изжило себя... Поразительное несоответствие между верхушкой общества и его основанием, между вождями государства в прошлых его формах, а также и вождями будущего и массой населения».

Трагедия России заключалась в том, что революционные события в ней развертывались на фоне продолжавшейся мировой войны, которая в значительной степени радикализовала общество. Любая война не может не вызвать глубокого расстройтва народного хозяйства – война же таких грандиозных размеров, как первая мировая, была равносильна экономической катастрофе.

Экономическое влияние войны, как правило, сводится к факторам двоякого рода. Во-первых, финансирование войны требует крупных расходов со стороны воюющего государства. Во-вторых, война расстраивает международный, а отчасти и внутренний рынок. Не в последнюю очередь это связано с потрясениями кредитного механизма, с трудностями в передвижении грузов и т. д. Безусловно, действие этих факторов по-разному отражается на странах разного экономического типа. Чем богаче страна, чем большими капиталами она обладает, тем легче может она покрыть расходы, связанные с войной. Промышленно развитые страны гораздо богаче капиталами, чем сельскохозяйственные, денежный рынок в них более развит. Поэтому по отношению к покрытию издержек войны торгово-промышленные страны находятся в лучшем положении, чем сельскохозяйственные.

При анализе силы воздействия войны на экономику России надо учитывать два момента. Во-первых, затяжной характер войны (никто из государственных политиков не смог спрогнозировать продолжительность военных действий). Вместо обещанной царизмом быстрой и скорой победы до Рождественских праздников 1914 года реальностью стали длительная, кровопролитная война, потеря 20 западных губерний, 3 млн. убитых и пропавших без вести, 3 млн. пленных, 1,5 млн. дезертиров. В результате царский режим лишился поддержки миллионов верноподанных. Во-вторых, сильнейшее расстройство транспортной системы России, спровоцировавшее все прочие беды русской экономики.

Транспорт работал крайне неритмично, не справляясь с гигантскими заказами по перевозке боеприпасов и продовольствия на фронт и в тыл. Плохая организация работы транспорта, изношенность подвижного состава привели к кризису топлива: железным дорогам не удалось перевезти надлежащего количества топлива, хотя оно имелось в наличии. В 1916 году из Донецкого бассейна было вывезено только 878 млн. пудов каменного угля из 1370 млн. добытого, причем основная причина недовывоза заключалась в неритмичности перевозок. Вследствие недостатка топлива многие предприятия, в том числе оборонные, прекратили работу. Как результат – резко возросло количество забастовок на предприятиях.

Война вызвала стремительный рост государственных расходов; одни сверхсметные чрезвычайные кредиты, ассигнованные на военные расходы, на 1 марта 1917 года составляли 30 млрд. 461 млн. 900 тыс. рублей. Для сравнения: 28 января 1915 года в Государственной Думе выступил государственный контролер, который привел следующие данные: с начала военных действий до 1 января 1915 года чрезвычайные расходы достигли 3 млрд. 20 млн. рублей; по данным о произведенных расходах, размер ежедневной стоимости войны определялся в 14 млн., а уже к январю 1917 года один день войны стоил 50 млн. рублей, долги государства за время войны возросли с 9 млрд. рублей до 40 млрд.

Далеко не в лучшем положении находилась русская армия, которая по мере роста численности требовала гигантского количества продовольствия, фуража, боеприпасов. На 1 октября 1914 года в действующей армии состояло 2 млн. 711 тыс. 253 человека, к 15 мая 1915 года – 3 млн. 941 тыс. 689, к 1 февраля 1916 года – 6 млн. 206 тыс. 743, к 1 ноября 1916 года – 6 млн. 953 тыс. 503 человека. Общее количество призванных в армию составляло 14 млн. 500 тыс. человек. Накормить такое количество людей было крайне сложно. Перебои в снабжении фронта продовольствием были постоянным явлением. Так, на Юго-Западный фронт с 1 по 23 января 1916 года должно было поступить 115 вагонов сала и масла, фактически же поступило 76 вагонов, солонины – соответственно 276 и 62; сухарей – 138 и 34; овощей – 92 и 27; мясных консервов – 46 и 15; овса и ячменя – 5 700 и

4 460. В 1916 году армия поглощала около 40-50% всего хлеба, поступавшего в продажу. В свою очередь это привело к сокращению потребления хлеба городским населением. Несмотря на значительные его запасы в первые годы войны, осенью и зимой 1916 года был уже налицо хлебный кризис. На страну надвигалась продовольственная катастрофа. Причину продовольственного кризиса нельзя искать в сокращении хлебных сборов. Во-первых, сокращение не было значительным. В 1916 году валовый сбор зерна составлял 3 млрд. 597 млн. 4 тыс. пудов, в 1917 году – 3 млрд. 502 млн. 800 тыс. Во-вторых, это небольшое сокращение компенсировалось тем избытком производства над потреблением, которым характеризовались предшествующие два года. Затруднения определялись главным образом транспортной разрухой, разрывом связей между городом и деревней, бездарной политикой правительства. 14 февраля 1917 года министр земледелия Риттих, выступая в Государственной Думе, отметил, что «... с продовольствием у нас хаос. Городам из-за неорганизованности подвоза грозит голод, в Сибири залежи мяса, масла и хлеба, разверстка между губерниями сделана неправильно, таким образом, что хлебные губернии поставляли недостаточно, а губернии, которым самим не хватало хлеба, - были обложены чрезмерно. Крестьяне, напуганные разными разверстками, переписками и слухами о реквизициях, стали тщательно прятать хлеб, закапывая его, или спешили продать скупщикам».

Города были на пороге голода. Январский (1917 года) привоз продуктов первой необходимости составлял 50 %, а скота, птицы и масла – 25 %. О провинции, на которую власти обращали внимание в меньшей степени, и говорить было нечего. Буквально все губернии требовали хлеба.

Правительство пыталось успокоить население объявлениями такого содержания: «В последние дни отпуск муки в пекарни и выпечка хлеба в Петрограде производятся в том же количестве, как и прежде. Недостатка хлеба в продаже не должно быть. Если в некоторых лавках хлеба иным не хватало, то потому, что многие, опасаясь недостатка хлеба, получали его в запас на сухари. Ржаная мука имеется в Петрограде в достаточном количестве, и подвоз этой муки идет непрерывно». Газеты же пестрели сообщениями о скупке муки мешками прямо с железнодорожных

станций и из пекарен. В Государственной Думе обсуждался вопрос о введении карточек на хлеб.

Безусловно, экономические и финансовые трудности, которые испытывала Россия в годы войны, накалили общество до предела. Однако и другие воюющие страны испытывали огромную напряженность. Почему же именно в России произошел социальный взрыв такой силы, который смел режим, существовавший веками. Только ли военные тяготы толкнули солдат и рабочих на улицы и площади? Бывший царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов на Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства летом 1917 года свидетельствовал: «Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность страны на громадную убыль... Пути сообщения в полном расстройстве, что чрезвычайно осложнило экономическое и социальное положение... Зимой 1916 года вследствие заноса под снегом более 60 000 вагонов с топливом, продовольствием и фуражом. Наборы обезлюднили деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность; ощутился громадный недостаток рабочей силы... Города голодали, торговля была задушена, постоянно под страхом реквизиций... Товара было мало, цены росли, таксы развили продажу «из-под полы», получилось «мародерство». Армия устала, недостатки всего понижали ее дух...» Картина тяжелая. Однако Россия знала и худшие времена, и тем не менее царская власть находила в себе силы внутренне измениться и спасти себя, страну от величайших потрясений. Так что же было такое, что сыграло в судьбе существовавшего режима не менее роковую роль, чем война с ее лишениями и невзгодами?

Пожалуй, ни в одной стране власть не была так дискредитирована, как в России в то время. Политика царизма «готовила» условия для революционного взрыва, не идя ни на какие уступки либеральной буржуазии, которая требовала создания «правительства доверия». Как писал впоследствии В. В. Шульгин, один из активных деятелей «прогрессивного блока», суть конфликта между либералами и царем сводилась «к вопросу о назначении министров», то есть речь шла о власти. А. А. Блок, работавший в Чрезвычайной следственной комиссии, которая занималась расследованием деятельности министров бывшего царского прави-

тельства, был поражен ничтожеством многих из них. Об этом же говорил М. В. Родзянко в одной из бесед с царем (январь 1917 года): «Вокруг Вас, государь не осталось ни одного надежного и честного человека: все лучшие удалены или ушли, остались только те, которые пользуются дурной славой».

Критику правительства поддержали лидеры других партий, в том числе и такие ярые монархисты, как например, В. Пуришкевич, глава черносотенного Русского народного союза имени Михаила Архангела. Департамент полиции в тайном донесении так определил позицию Пурешкевича: «... он вскрыл тяжесть положения, беспомощность правительства, которое надо заменить, но проводил монархическую идею – спасти монархию».

Как же отреагировал царь на требования оппозиции? Очередной перетряской правительства. Некоторые министры за последние полтора года до февральских событий сменялись неоднократно (министры внутренних дел и земледелия, например, менялись по 4–5 раз). Четыре председателя Совета министров поочередно побывали на своих постах, причем А. Ф. Трепов оставался главой правительства всего 48 дней. Газеты писали, что по назначении на высокие должности вновь всплывали имена, давно похороненные на бюрократическом кладбище. Но, поскольку не менялась сама система управления, такие меры не могли внести успокоение в обществе. Согласись царь на ответственное перед Думой правительство, и, возможно, не было бы Февраля. Однако идея создания не только ответственного, но и пользующегося доверием оппозиционных партий правительства, полностью отвергались царем.

Речи членов IV Государственной думы способствовали созданию атмосферы ненависти к царю и его окружению. Обвинительных фактов против царского двора было так много, что народ поверил бы любой нелепице. Вот образчик подобного рода. Так, по донесению департамента полиции, член Государственной думы А. С. Суханов говорил своим коллегам: «Хотите, чтобы Государственная дума была бесповоротно распущена, я это могу сделать. Я выйду на трибуну и с документами в руках расскажу про историю некоего г-на Патушинского, которого императрица Александра Федоровна устроила нотариусом в

Одессу вследствие того, что с женою этого Патушинского имел интимную связь Григорий Распутин и хлопотал за него. Я предъявлю подлинные телеграммы по этому поводу за подписью «Александра». Затем я подробно опишу те обстоятельства, при которых председатель Совета министров Б. В. Штюрмер был назначен почетным гражданином города Тобольска. И я, разоблачая все это, не сойду с трибуны до тех пор, пока меня не снимут военной силой».

В то время как оппозиция пыталась с помощью слова убедить царя в необходимости серьезных политических изменений, события на улицах Петрограда приобретали грозный, необратимый характер. Охранное отделение 5 февраля докладывало: «Никогда еще не было столько ругани, драм и скандалов, как в настоящее время... Если население еще не устраивает голодные бунты, то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем. Озлобление растет, и конца его росту не видать».

Источники

Л. Керцелли. Из военных дневников.

Август-сентябрь 1915 г.

25 августа.

«Сыну герою...

Милая мама! Она мной гордится! Да, если я хоть и буду убит, потомству останется память – был, жил Леонид Федорович Керцелли, поехал добровольно на войну, заработал в три месяца три Георгия...

Война, война, будь она проклята; злой был тот человек, что выдумал такую штуку. Но разве я могу что-либо сказать? Раз я добровольно поехал – молчи, что бы ни было: на все пошел».

1 сентября.

«Шли трое суток, без хлеба; супом кормили один раз в день; делали переходы по 35–30 верст (в день). Масса отстала. Позади шли немцы и лупили нас артиллерией с пулеметами. Сейчас полк в резерве. Немцы нажимают: идет бой, не смолкая гремит артиллерия, слышны залпы винтовок и пулеметов.

Хочется домой, Господи, как хочется!

Хоть какой-нибудь конец: Бог с ним, с офицерским чином.

Как я провел ночь на 4 сентября. Наш батальон стоял в резерве Тарутинского полка. Германы в 5 часов вечера начали долбить по позиции, и было слышно как они перенесли огонь всех своих батарей в одно место, приблизительно на расположение одной роты. Отдельных выстрелов не было слышно – был ужасный гул, вой, земля содрогалась от грома разрывов. (...)

Шли толки – что все равно пропали, так как немцы прорвались и теперь сзади нас. Я сначала не верил, но потом гляжу – совершенно сзади, метрах в 100 – взвилась немецкая ракета, и сейчас же раздался залп, так что получилась такая история. (...)

Вдруг опять усиленно заработали пулеметы. «Новый приступ, немцы полезли», – доносит дежурный. Немцы шли густой цепью; за одной цепью виднелись еще и еще. Как они падали! Ужас! Первая цепь добежала до проволочного заграждения и начала окапываться. Но сколько из цепи успело окапаться под нашими снарядами? Если из 100 человек 20 – и то хорошо. Но сзади подходили еще цепи, цепи и цепи – вдруг заиграл рожок и немцы пошли в штыки. Здесь заработали пулеметы. Я бросил стрелять, впился глазами в бойницу: видел, как пьяные немцы что-то кричали, трясли колючую проволоку руками и падали, падали, и висли убитые на проволоке, оттягивая ее к земле. Еще немного такого огня – и толпы немцев стали редеть, редеть – и скоро перед нами остались только убитые да раненые.

Как они кричали, Боже, как они кричали! Солдаты, взбешенные атакой, не прекращали огня – а там, впереди, под дождем, на проволоке, в предсмертных муках извивались люди. И вся эта картина освещалась пожаром... (...)

... Светало. Мы лежали. Я околел. Не было сил поднять руку, весь слаб.

Я заснул. Проснулся – наша рота уже уходила опять в резерв. В дороге разогрелся. Пленные говорили, что они два дня не ели; перед атакой их напоили, и без мешков, без шинелей – пустили бегом на нас.

Всюду кровь!

... Мы дали пленным хлеба – с какой жадностью они его пожирали!

Домой хочу!»

12 сентября.

«Мы два дня уходим от немцев. Кухни где-то пропали, не было ни хлеба, ничего; даже воды было нельзя достать. Я шел машинально, ноги сами собой ступали, тяжесть снаряжения и винтовки перестала чувствоваться – я сделался как бы автомат. Грязь от прошлых дождей мешала идти – ноги волочились в жидком месиве, заплетались, но все-таки двигались вперед, вперед.

Нас обгоняет околоток. Жирные санитары, фельдшера, разная обозная сволочь расселась по телегам и с высоты своего величия посматривает на пехоту, на «окопников»...».

Хрестоматия по истории России первой половины XX века (Спорные вопросы истории) / состав. И. С. Хромова – М. : Интерпракс, 1995. – С. 47–50.

*Солдат 1 роты 175 пехотного запасного полка Н. Жуков.
Май 1917 г.*

«Многоуважаемый товарищ!

...Хочу сообщить вам, что у нас делается на фронте. 26, 27 и 28 апреля у нас на передовых линиях была не война, а, так сказать, престольный праздник. Нас с немцами разделяет река... Ночью каждый на своем месте, а царит большая строгость [так в тексте. – Ред.]: кроме ракеты и выстрела ничего не услышишь, а когда стало светло, первым долгом показывают белый платок и спрашивают: «Герман, стрелять будешь» Оттуда слышен голос: «Нет». Вот тут и пойдем: идут за водой, моются, удочки ставят, а когда станет жарко, раздеваются и давай купаться вместе, также берут лодки и едут на ту сторону. Когда подъезжают, то немцы подбегают, берут за лодку и вытаскивают ее на берег, здороваются. Только одна беда: говорить не умеем, приходится на пальцах объясняться. Потом ведут в землянки и начинают угощать колбасой, яйцами, ситным и коньяком, да еще дают с собой. Мы тоже позвали бы их, да только нечем угощать: кроме хлеба у нас ничего нет. Также немцы говорят, что они опасаются, как бы наши офицеры не забрали их. И правда, когда немцы сказали, что завтра в 2 часа придут к нам, то один прапорщик 9 роты нашего полка сказал: «Вот это хорошо, нам надо было поймать одного разведывательным действием, а тут он к нам сам придет, и мы его отправим в штаб дивизии». Но солдаты тут же

сказали, что раз нас не забирают, то и мы их не будем. Если же будут шпионы, тогда дело другое. 25 апреля, когда вышла 5 рота из окопа, то ротный командир сообщил казачьей батарее, и она открыла беглый артиллерийский огонь: 3 снаряда по своим окопам, а остальное по немцам, но когда солдаты сообщили по телефону, что одна полурота придет и переколет батарею, огонь прекратили. Почти все офицеры велют стрелять по своим...».

Хрестоматия по истории России 1917–1940: пособие для учащихся ст. классов с углубл. изучением истории, гимназий и лицеев / сост. М. Е. Главацкий и др.; под ред. М. Е. Главацкого. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Аспект Пресс, 1995. – С. 21–22.

Вопросы для анализа

1. Найдите и проанализируйте взгляды солдат и их отношение к войне.
2. Как война повлияла на настроение солдат?
3. Опишите военные будни
4. Можно ли на основании документов показать связь войны с революционизированием общества?
5. Каковы взаимоотношения «окопников» с так называемыми «обозниками»? Почему?

Временное правительство: деятельность и итоги

План:

1. Революционные события и их развитие в феврале–марте 1917 года. Стихийное расширение забастовок и демонстраций.
2. Победа февраля. Расстановка классовых и политических сил в стране.
3. Политика Временного правительства. Причины неудачи демократов в экономической и социальной сферах.

Основные узловые проблемы.

В конце января – начале февраля 1917 года политическая ситуация в стране обострилась до предела. Массовые митинги и демонстрации захлестнули общество. Рабочие крупнейших предприятий Петрограда протестовали против массовых увольнений. 18 февраля на работу не вышли рабочие лафетно-

штамповочной мастерской Путиловского завода. Волнение было вызвано ростом цен, ухудшением продовольственного снабжения. Администрация завода отвергла все требования забастовщиков, объявив об их увольнении. К бастовавшим присоединились рабочие всех цехов. В ответ – закрытие завода, 36 тысяч рабочих остались без средств к существованию. Предприниматели были поддержаны правительством. Конфликт вышел за пределы завода. В знак солидарности стачки протеста начались во всех районах города. В связи с нехваткой хлеба, спекуляцией, длинными очередями начались стихийные погромы лавок.

К удивлению многих, царь 22 февраля, накануне волнений, выехал из Царского Села в Ставку, сохранив между собой и столицей только телеграфную и железнодорожную сеть. Он удовлетворялся сравнительно успокоительными телеграммами Протопопова и не обращал внимания на тревожные телеграммы Родзянки.

23 февраля забастовали около 15 тысяч человек на Выборгской стороне. К Петроградской городской думе с рабочих окраин начали стекаться группы рабочих с лозунгами «Долой самодержавие» и «Долой войну!». К концу дня бастовали 43 предприятия с 78 443 человеками.

В Ставке же шла иная жизнь: «23 февраля. Четверг. Проснулся в Смоленске в 9 ½ часа. Было холодно, ясно и ветрено. Читал все свободное время французскую книгу о завоевании Галлии Юлием Цезарем. Приехал в Могилев в 3 часа. Был встречен генералом Алексеевым и штабом. Провел час времени с ним. Пусто в доме показалось без Алексея. Обедал со всеми иностранцами и нашими. Вечером писал и пил общий чай» (Из дневника Николая II).

24 февраля стачки приняли еще больший масштаб, рабочие митинги и демонстрации стали более многочисленными, кое-где начались столкновения с полицией и поддерживающими ее подразделениями запасных полков, расквартированных в Петрограде. В столице бастовало 151 предприятие со 197 тыс. рабочих.

25 февраля к рабочим стали присоединяться другие слои городского населения, и движение начало перерастать во всеобщую стачку.

Над демонстрантами в разных местах уже реяли красные флаги и полотнища с лозунгами «Хлеб, мир, свобода!».

Тем не менее, власти оценивали происходящее как обычные «беспорядки» и особой тревоги не проявляли. Лишь 26 февраля они перешли к более активным действиям: в ряде районов города полиция и войска стреляли в демонстрантов.

Последнюю, хотя и шаткую опору царь потерял, издав 26 февраля указ о роспуске Государственной думы.

На следующий день М. В. Родзянко телеграфирует царю: «Занятия Государственной думы указом вашего величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом... Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть... Повелите отмену вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно эти меры высочайшим манифестом... Завтра может быть уже поздно». Время было упущено. 27 февраля, в ходе событий наступил решающий, коренной перелом: солдаты запасных батальонов стали переходить на сторону восставших. Вооруженные отряды рабочих совместно с солдатами заняли стратегические пункты. Начались погромы полицейских участков. На улицах жгли символы прежней власти – двуглавые орлы с царской атрибутикой. Из тюрем были выпущены политические заключенные. К концу дня город оказался во власти восставших. Царские министры были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость.

Революция побеждала в обстановке безвластия. Царские учреждения эту власть потеряли. Либералы и социалисты были не готовы к тому, чтобы руководить народным движением: оно носило характер стихийного массового протеста. И лишь тогда, когда столица оказалась в руках восставших, партийные лидеры лихорадочно стали создавать новые органы власти.

Днем 27 февраля в Таврическом дворце, где ранее заседала Государственная дума, с участием меньшевиков, эсеров, членов Военно-промышленного комитета, профсоюзных лидеров и кооператоров возник Временный исполнительный комитет Советов рабочих депутатов. Он обратился к коллективам фабрик, за-

водов с призывом выбирать своих представителей в Петроградский Совет. К концу дня уже первые десятки депутатов были зарегистрированы. К ним присоединились делегаты от воинских частей. Исполком возглавили меньшевики Н. С. Чхеидзе (председатель) и М. И. Скобелев, а также трудовик А. Ф. Керенский (заместители).

Большинство в Совете принадлежало меньшевикам и эсерам. Это произошло отнюдь не потому, что большевики «задержались» в уличных боях, в то время как в Таврическом дворце шел дележ власти. Главная причина неудачи большевиков заключалась в том, что в условиях стихии, которая всколыхнула огромную массу людей различных социальных слоев, авторитет и значимость левой фракции социал-демократии в обществе был велик, поэтому большевикам было не на что рассчитывать.

Почти одновременно с созданием Петроградского Совета лидеры буржуазных партий в Государственной думе образовали «Временный комитет для восстановления порядка и сношения с лицами и с учреждениями». Возглавил комитет председатель IV Государственной думы октябрист М. В. Родзянко. К 1 марта была завершена работа по созданию нового правительства, и представители Временного комитета приступили к переговорам с Советом. Н. Чхеидзе, Н. Суханов, Н. Соколов, Ю. Стеклов и В. Филипповский, выделенные исполкомом Совета для консультаций по персональному составу высшего исполнительного органа, санкционировали предложенный Временным комитетом состав кабинета министров.

Председателем Совета министров и министром внутренних дел стал князь Г. Е. Львов. Министерские посты заняли: П. Н. Милюков – министр иностранных дел; А. И. Гучков – министр военный и морской; Н. В. Некрасов – министр путей сообщения; А. И. Коновалов – министр торговли и промышленности; А. А. Мануйлов – министр просвещения; М. И. Терещенко – министр финансов; В. Н. Львов – обер-прокурор Святейшего Синода; А. И. Шингарев – министр земледелия; А. Ф. Керенский – министр юстиции. Государственным контролером был назначен И. В. Годнев.

Таким образом, в результате Февральской революции власть в России перешла к партиям, прежде находившимся в оппозиции

царскому режиму. Многие видные общественные деятели, представители разных политических сил входили в течение марта – октября 1917 года в состав Временного правительства: П. П. Юренев, Н. М. Кишкин, С. С. Салазкин, Ф. Ф. Кокошкин, князь Д. И. Шаховский и др. Казалось, наступило время для реализации либеральных идей.

Действительно, Временное правительство сразу осуществило ряд крупных мероприятий. Оно провозгласило свободу слова, печати, союзов, собраний, стачек, отменило сословные, вероисповедные и национальные ограничения, предоставило амнистию по всем политическим и религиозным делам, в том числе осужденным за террористические акты, военные восстания и аграрные преступления. Были упразднены Отдельный корпус жандармов, охранное отделение, Департамент полиции и Главное управление по делам печати. Однако, наряду с этими, бесспорно, позитивными решениями Временное правительство допустило и массу ошибок. Одна из них состояла в том, что оно не сумело выдержать более или менее спокойный тон в отношении критики прежнего режима, чем в немалой степени способствовало радикализации общественного настроения.

4 марта кабинет министров принял решение об организации Чрезвычайной следственной комиссии под председательством московского присяжного поверенного Н. К. Муравьева для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц. В своем докладе Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов он так объяснил задачи деятельности комиссии: «Наш материал, когда он будет опубликован всецело, быть может, покажет и перед вами, и перед всем миром, что нет возврата к прошлому».

Члены Временного правительства во всех грехах обвиняли только царский режим. Так, Н. В. Некрасов на митинге 23 марта в Москве заявил: «В старом правительстве так тесно переплелись бездарность, глупость, трусость и измена, что неизвестно, где начинается одно и кончается другое». Утверждалось, что старая система управления основывалась на административных репрессиях, угнетении личности, подавлении ее инициативы.

Энергично помогала Всемирному правительству в этом деле и пресса. В течение двух месяцев после падения монархии «демократическая» печать развернула злобную кампанию по дискредитации бывшего императора и его супруги, стремясь возбудить среди рабочих, солдат и обывателей чувства ненависти и мщения. «Фантастические и порой совершенно недостойные описания стали появляться в различных газетах, даже в тех, которые до последнего дня старого режима являлись «полуофициальным» голосом правительства и извлекали немалую выгоду из своей преданности короне».

Председатель совета присяжных поверенных Петрограда Н. П. Карабчевский писал: «Поглядите хотя бы на нашу «буржуазную» (беспорно, талантливую) печать после февральского переворота. Все, или почти все, превратилось разом в демократических республиканцев, да таких ярых, непреклонных. Ни малейшего соображения о том, что в сознании народа нужное место царя означало вообще пустоту, из которой вполне естественно выскочил дьявол большевизма».

Настало время расстаться с легендой о том, что Февраль «золотой век» в истории России, «бескровная революция» и пр. Именно Февраль, как это ни прискорбно, привел страну к Октябрю. Чувства ненависти, мщения, злобы выплеснулись на улицы, подогреваемые большевистской пропагандой вседозволенности. Разъяренная толпа матросов буквально на клочки разорвала командующего Кронштадтской крепостью адмирала Вирена, убила нескольких офицеров и бросила сотни других в тюрьму, зверски избив их. Огромным бедствием для страны в те дни были аресты. Как отмечал в своих воспоминаниях В. Шульгин, «целый ряд членов Думы занят исключительно тем, чтобы освободить арестованных... Еще слава богу, что дан лозунг: «Тащи в Думу – там разберут» ... Дума обратилась в громадный участок ... с той разницей, что раньше в участок таскали городовые, а теперь тащат городских... Многих убили – «фараонов»... Большинство приволокли сюда, остальные прибежали сами, спасаясь, прослышав, что «Государственная дума не проливает крови»... Арестованных масса».

Весь период с марта по октябрь был отмечен активностью правительства по реорганизации государственного аппарата.

Первая же акция на этом пути оказалась не совсем удачной. Речь идет о чистке учреждений от сторонников царского режима. Из Министерства внутренних дел были удалены все высшие чины, которые не соответствовали по своей прежней деятельности новым политическим условиям. 5 марта князь Г. Е. Львов отправил циркуляр на имя губернаторов: «Временное правительство признало необходимым временно устранить губернатора и вице-губернатора от исполнения обязанностей по этим должностям. Управление губерний возлагается на председателей земских управ в качестве губернских комиссаров Временного правительства... на председателей уездных земских управ возлагаются обязанности уездных комиссаров... Полиция подлежит переформированию в милицию».

Характеризуя эти действия правительства, В. Д. Набоков в очень резкой форме отмечал: «... в целом ряде губерний, где председателем управы являлось лицо, назначенное старым правительством, это распоряжение сводилось к лишенной всякого смысла и основания замене одних чиновников другими, далеко не лучшими... Председатель управы был нередко ставленником реакционного большинства».

20 марта появляется новый циркуляр: «Временное правительство, признавая подлежащим упразднению институт земских начальников, предлагает деятельность земских начальников немедленно приостановить. Имея ввиду, что переустройство местного управления и самоуправления требует времени, а оказание правосудия населению должно протекать безостановочно, правительство уполномочивает губернских комиссаров впредь до преобразования местного суда не прерывать производство судебных дел и, отстранив земских начальников от исполнения их обязанностей возложить производство судебных дел на временных судей, каковых назначить по соглашению с уездными комиссарами».

Одновременно с принятием этих мер по Министерству внутренних дел Временное правительство приступило к срочной разработке проектов о преобразовании органов местного управления и суда.

Само собой разумеется, что при спешной реорганизации местных органов на практике получилась пестрота и большая

неразбериха. В условиях хаоса и необходимости в срочном порядке организации новой структуры власти у правительства, вероятно, не было иного выбора, кроме создания административных органов управления сверху, тем более что эта структура носила временный характер. Однако эти шаги кабинета министров шли вразрез с публично декларируемой позицией, основанной на обещании провести выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, то есть с участием народа. К тому же у власти осталось много бывших царских чиновников.

Вот что писал в свое время Н. А. Рожков: «В Министерстве внутренних дел не все благополучно. До сих пор не сменены все, только постепенно сменяются, частью числятся на службе, хотя и отстранены от нее фактически, губернаторы; кое-где оставлена даже старая полиция, которая невозбранно черносотенствует; комиссарами Временного правительства на местах назначены председатели земских управ и городские головы, люди непопулярные и по убеждениям большей частью правее кадетов и даже октябристов. Неудивительно, что такие господа там, где население политически активно, попали под арест, а где оно пассивно – являются центрами черносотенного движения».

Что дело обстояло именно так, свидетельствует ответ Министерства внутренних дел на заявление Рожкова, из которого видно, что, несмотря на изменение порядка назначения комиссаров, на местах остались многие из прежнего чиновничьего аппарата. Резко увеличилась численность аппаратчиков. В одном только военном министерстве их число увеличилось более чем в три раза. Министр финансов Н. В. Некрасов был вынужден заявить на государственном совещании в Москве, что «ни один период российской истории, ни одно царское правительство не было столь щедро в своих расходах, как правительство революционной России».

Профессиональные способности многих членов кабинета министров также оставляли желать лучшего. Вот отзыв Н. П. Карабчевского о первом председателе Временного правительства: «Очаровательное впечатление производила его личность, и вместе с тем тревожные опасения, что он не на своем

месте, проникали в сознание... Какая-то сосредоточенно-покорная грусть, казалось, пронизала уже все его существо».

В дневнике профессора Ю. В. Ломоносова, помогавшего А. А. Бубликову руководить Министерством путей сообщения в дни революции, так охарактеризован первый состав Временного правительства: «Весь этот состав министерства мне не нравится. Ну какой министр финансов Терещенко, милый благовоспитанный юноша, всегда безукоризненно одетый, служивший по балетной части и пользовавшийся головокружительным успехом у корифеек. Ну что он финансам, что ему финансы? Русские, расшатанные войной финансы. А Некрасов, кадет, идеалист... Профессор статики сооружений без трудов. Знакомый с путями сообщения по студенческим запискам и по Думе... Наконец, Шингарев, бесспорно, умный человек, но он по образованию врач, а в Думе занимался финансами. Причем же земледелие и землеустройство?»

Крайне негативно характеризуется А. Ф. Керенский. По свидетельству И. Церетели (одного из руководителей Петроградского Совета), Керенский «хотел быть надпартийной, общенациональной фигурой. Замечательно, что Керенский, имя которого впоследствии стало синонимом слабого, безвольного правительства, имел большие субъективные наклонности к сильной власти, командованию. Если бы с этими наклонностями он соединил силу характера и организаторские способности, он смог бы играть в событиях революции гораздо более существенную и положительную роль, чем та, которая выпала на его долю».

Безусловно, все эти свидетельства имеют субъективный, подчас тенденциозный характер. Однако практически все мемуаристы подмечают главные особенности в поведении и практической деятельности бывших вершителей судеб России: отсутствие воли, мягкий характер, непрофессионализм.

Отечественная историография в целом негативно оценивает результативность мероприятий Временного правительства в экономической и социальной сферах. Историки ругают кабинет министров князя Г. Е. Львова за его неспособность и нежелание приступить к немедленной реализации основных проблем российского общества. Падение самодержавия вызвало взлет социальных ожиданий у большей части общества. Рабочие, солдаты,

крестьяне многонациональной страны ждали немедленного удовлетворения своих требований. Это трагическое несоответствие между ожиданиями многомиллионных масс и возможностями разоренной войной страны порождало прямое революционное воздействие.

Буржуазные деятели основывали свою политику на тактике откладывания всех принципиальных вопросов до созыва Учредительного собрания. В этом плане показательна судьба земельной реформы, которую готовили кабинеты министров всех четырех составов. Размеры и сложность предстоящих мероприятий в сфере земельных отношений требовали тщательной их проработки. А подготовительные работы встречали значительные затруднения из-за недостаточности, противоречивости, порой отсутствия необходимых данных, так как старая власть слишком мало уделяла внимания изучению данной проблемы. Для планомерной и осмотрительной подготовки аграрной реформы требовалось продолжительное время, и это тоже создавало массу сложностей для Временного правительства. Государственная власть недооценила размах крестьянского движения, уровень радикализации масс в условиях революционного времени. Ориентация на Учредительное собрание в условиях вседозволенности и беспредела, проявившихся не без участия самого правительства, заранее была обречена на провал. Захваты частных земель, разгромы помещичьих имений совершались при пассивном участии Временного правительства и при подстрекательстве левозкстремистских партий. Уничтожался институт частной собственности, являвшийся мощным экономическим стимулом развития государства. В ответ на погромные движения правительство издавало грозные циркуляры, направлявшиеся губернским комиссарам, с предписанием указать крестьянским комитетам на незаконность действий сельского населения. Но данные распоряжения не выполнялись, так как у центра не было реальной власти для проведения собственных предписаний в жизнь. К тому же в стремлении завоевать популярность в массах, особенно среди крестьянства, правительство закрывало глаза на многие случаи противоправных действий последнего, призывая частных землевладельцев к миру и согласию в деревне.

В результате такой покровительственной политики по отношению к одним и словесной защиты прав других земельная реформа, еще только рождавшаяся в недрах общественных учреждений, в действительности выродилась в стихийный, массовый захват частных земель. Разрушались не только помещичьи имения, но и опытно-показательные хозяйства, уничтожались леса и сады, отрубные и хуторские хозяйства. Решение земельного вопроса насильственным путем привело к подрыву производительных сил страны и не на одно десятилетие задержало развитие сельскохозяйственного производства.

Ситуация в России усугублялась тем, что Временное правительство вынуждено было решать социально-экономические вопросы в условиях продолжавшейся войны. Кадетская партия ратовала за продолжение непопулярной в народе империалистической бойни. После двух с половиной лет войны в солдатской среде чувствовались сильная усталость и жажда мира; отсюда повышенный интерес солдат к вопросу о том, принимает ли новое правительство меры для приближения окончания войны. Нельзя объяснять упорное стремление лидеров кадетов к продолжению военных действий со стороны России лишь тем, что их к этому толкали империалистические устремления капиталистов и помещиков, интересы которых они выражали. В кадетской партии было немало по-настоящему честных людей, патриотов своей родины. И поддержка ими, скажем, территориальных приращений России необязательно означала их империалистические устремления, а могла являться и своеобразным проявлением заботы и величии страны, усилении ее экономического и политического могущества. К тому же российское государство имело вполне конкретные обязательства перед странами Антанты. Анализ экономической ситуации в России, проведенный специалистами, показывал, что после такой разрушительной войны страна самостоятельно на ноги не встанет, понадобятся иностранные займы. Кредиты можно было получить у Антанты только в случае участия России в войне до победного конца. Кадеты исходили также из того, что удачный исход войны поднимет в стране волну патриотизма, энтузиазма, которую можно будет обратить на ускорение развития производительных сил страны, но этого не случилось. Слишком сильны были в обще-

стве антивоенные настроения. Кроме того, на политической арене действовала большевистская партия, обещавшая немедленно прекратить войну в случае ее прихода к власти.

После Февральской революции вся партийно-политическая структура России изменилась коренным образом. Потерпели крушение помещичье-монархические партии и организации. Исчезла с политической арены партия октябристов, скомпрометировавшая себя защитой царского режима. На ее основе в 1917 году образовалась либеральная республиканская партия во главе с бывшими лидерами Союза 17 октября А. И. Гучковым и М. В. Родзянко. На базе партии прогрессистов возникла Радикальная демократическая партия, которую возглавили И. Н. Ефремов и Д. Н. Рузский. Все эти партии образовали правое крыло буржуазии. Они были крайне малочисленны и самостоятельного влияния на события практически не имели.

Из всех общероссийских буржуазных партий, действовавших до революции, сохранилась фактически одна – партия кадетов, или Партия народной свободы, которая была в оппозиции к самодержавию. Вокруг этой партии и произошла консолидация всех других буржуазных партий и политических организаций. Численность кадетов составляла 65–80 тыс. человек.

Социальную базу партии составляли либеральная буржуазия, служащие, студенчество. Значительную долю в составе кадетской партии составляла интеллигенция. Из 68 членов Центрального комитета партии народной свободы примерно треть составляли профессора, число же всех представителей умственного труда (юристы, писатели, журналисты) составляло не менее 2/3 членов руководящего органа.

После свержения самодержавия и перехода власти в руки буржуазии стратегическая цель кадетов состояла в том, чтобы укрепить эту власть и остановить дальнейшее развитие революции в стране.

Будучи правящей партией, она намеревалась вынести решение коренных социально-экономических и политических вопросов на Учредительное собрание, созыв которого неоднократно откладывался по вполне объективным причинам. Во-первых, кадеты считали, что в столь короткий срок (через 2–3 месяца после Февральской революции) демократические выборы прове-

сти невозможно: многие районы ввиду продолжения военных действий были отрезаны от центра; информированность населения о сути происходивших в стране политических изменений крайне плохая. Требовалась большая подготовительная работа, а на это необходимо время. Во-вторых, готовясь к выборам, кадеты параллельно занимались государственным устройством и предполагали достичь на этом направлении вполне определенных результатов, что должно было, по мнению руководства партии, повысить их шансы в глазах избирателей. Естественно, что в их планы не входила поспешная избирательная кампания. Однако, это не означало, что таким образом кадеты хотели оттянуть решение социально-экономических вопросов. И аграрную, и рабочую и другие реформы они, безусловно, собирались провести, но хотели это сделать постепенно, без резких скачков и только на законном основании, то есть через Учредительное собрание, соблюдая, конечно, интересы имущих классов, компенсируя им потери. Здесь кадеты как раз и просчитались, не учли настроения люмпен-пролетариев и крестьянской бедноты, требовавших немедленного и безотлагательного дележа куска пирога. Эти настроения подогревались популистскими обещаниями большевиков быстро и радикально решить все насущные нужды трудящихся. Как отмечал русский философ Н. А. Бердяев, «никогда в стихии революции, и особенно революции, созданной войной, не могут торжествовать люди умеренных, либеральных, гуманитарных принципов. В революционную эпоху побеждают люди крайних принципов, люди, склонные и способные к диктатуре». Партия кадетов не смогла привлечь к себе массы. Идея западного пути развития для России, предлагавшаяся представителями этой политической организации, не получила широкой поддержки. Процент голосов, который эта партия собирала, на выборах в органы местного самоуправления и Учредительное собрание, дает адекватное представление о численности сторонников западной модели в российском обществе. Этот процент был фактически стабилен на протяжении всего 1917 года. Приведем некоторые данные. На выборах в городскую думу Москвы (июнь 1917 года) кадеты получили 16,8 % голосов, в Петрограде на выборах в районные думы (конец мая – начало июня) – 22 %, в городскую думу (август 1917 г.) – 21 %. В целом по пятидесяти

губернским городам России на осенних выборах в местные думы за эту партию проголосовало 12,2 % избирателей. Таким образом, в крупных городах число сторонников западного пути колебалось ориентировочно от 1/8 до 1/5. В уездных городах и сельских районах число лиц, поддерживающих кадетов, было значительно меньше и составляло 4–5 %, или около 1/20 населения. Обобщенные данные дают выборы в Учредительное собрание. Кадеты вместе с союзниками получили 17 % голосов, что составляло около 1/6 части населения. При таком раскладе западный выбор для страны был маловероятен.

Окончательный выбор пути развития в условиях революции и открытой политической борьбы зависел от того, на чью сторону, встанет большинство народа. Среди политических партий наибольшую поддержку в массах имела партия эсеров. В 1917 году это была крупная организация, количество членов которой, по разным оценкам, составляло от 700 тыс. до 1 млн. человек. Об авторитета партии среди различных слоев российского общества говорят данные по выборам в районные думы Петрограда и городскую думу Москвы: эсеры получили соответственно 55 и 70% голосов. Представители эсеров собрали по пятидесяти губерньским городам на выборах в городские думы более половины голосов (вместе с меньшевиками – 52,7 %), на выборах в Учредительное собрание – более 50 % голосов. На протяжении всех месяцев революции эсеры занимали ведущее положение в Советах всех уровней, особенно в крестьянских. К сожалению, они не использовали в полной мере возможности этих своеобразных местных органов власти для реализации поставленных в своей программе требований. Вместе с меньшевиками эсеры поддержали создание Временного правительства, в которое вошел их представитель – А. Ф. Керенский. Решение руководства Петроградского Совета, приветствовавшего образование буржуазного правительства, поддержали многие местные организации эсеров (Костромская, Петроградская, Царицынская и др.). Эта поддержка носила условный характер и выражалась следующим образом: «1) Так как опасность контрреволюции еще не устранена, в силу чего очередная задача момента состоит в закреплении политических завоеваний революции, то конференция (Петроградская конференция эсеров – Г. К.) считает настоятельно

необходимой поддержку Временного правительства, поскольку оно будет выполнять объявленную политическую программу, состоящую в осуществлении амнистии, личных свобод, отмене сословных, вероисповедных и национальных ограничений и в подготовке Учредительного собрания, оставляя за собой право изменить свое отношение к нему при отклонении Временного правительства от выполнения намеченной им программы... 2) Считать необходимым контроль за деятельностью Временного правительства со стороны трудящихся масс. Конференция приветствует А. Ф. Керенского во Временном правительстве в звании министра юстиции, как защитника интересов народа и его свободы и выражает полное сочувствие линии его поведения в дни революции, вызванной правильным пониманием условий момента».

Образование коалиционного правительства при участии министров-социалистов привело к расколу в рядах партии эсеров. Представители левого крыла осуждали союз с буржуазией, пытались противопоставить коалиционному правительству революционные органы власти в лице Советов рабочих и крестьянских депутатов. Мария Спиридонова, один из лидеров левых эсеров, заявляла: «В настоящее время утверждать действительно теоретически и практически, что наша революция буржуазная, опираться на пресловутые «живые силы страны», сотрудничать с буржуазией в области политической и экономической, это значит помогать ей продержаться годы, десятки лет на сгорбленных плечах трудящегося класса.

Правые эсеры считали, что переворот совершен не только революционной демократией, но и либерально-демократическими либерально-буржуазными кругами. Выступая за коалицию с буржуазией, правые эсеры вместе с центром партии тем самым фактически рассматривали Февральскую революцию как буржуазную, хотя в документах эсеров формально такая оценка отсутствует.

Союз с буржуазией, с одной стороны, соответствовал представлениям эсеров о пути движения к социализму путем реформ, с другой – противоречил их программным положениям о контрреволюционности буржуазии, с которой партия должна бороться

вплоть до установления революционно-демократической диктатуры.

По мере радикализации масс падало влияние правых эсеров. Сложными были взаимоотношения с крестьянством. Попытки эсеров соблюсти государственные интересы, совместив их с интересами крестьянских масс, оказывались безуспешными. Значительный урон авторитету социалистов-революционеров нанес опубликованный в газете «Дело народа» законопроект по аграрному вопросу министра земледелия эсера С. Л. Маслова. Документ предусматривал образование временного арендного фонда из казенных и удельных земель, а также из той части помещичьей земли, которая не засеивалась или сдавалась в аренду. Из этого фонда земля передавалась в аренду крестьянам. Законопроектом запрещалось зачисление в арендный фонд садов, виноградников, хмелевников, земель, отведенных под посев сахарной свекловицы и технических растений. Этот документ явился фактическим отказом от основного требования программы партии эсеров – «социализация» земли и подтолкнул крестьянскую бедноту под большевистские знамена.

Кадетам, партиям меньшевиков и эсеров в революции противостояли большевики. Ряды их после Февраля выросли в четыре раза, достигнув 100 тыс. Влияние в рабочих коллективах укрепилось. Сеть большевистских организаций охватывала все новые районы, через них выдвигался отряд активных агитаторов, организаторов. Из-за нехватки кадров большевики работали главным образом в тех слоях населения, которые были в большей степени подвержены идеям радикализма и экстремизма. Большевизм представлял собой сложное политическое явление, обусловленное российской спецификой и многоукладностью. Среди большевиков были и ортодоксы, близкие по своей позиции к социал-демократам (меньшевикам), и экстремисты (ленинцы). Массы, поддержавшие большевиков, разумеется, не разделяли в подавляющем большинстве идей марксистского социализма, мировой пролетарской революции. Партия Ленина прекрасно сознавала, что с социалистическими лозунгами власть не завоеуешь, поэтому и в октябре, и в первые месяцы после него большевики выступали под демократическими лозунгами. Народные массы России, может быть, за исключением малой

части рабочих, не были готовы сделать сознательный выбор между капитализмом и социализмом, ничтожный процент населения страны читал Маркса, Плеханова, Ленина. Однако программа, сформированная РСДРП(б) как цель революции, в основных чертах отвечала ожиданиям и стремлениям определенной части населения. Все это позволило большевикам, с одной стороны, обрести сторонников среди рабочих и крестьян, с другой – «нейтрализовать» Временное правительство, оставив его без массовой поддержки. Однако социальная база большевиков не была столь велика, чтобы можно было говорить о движении многомиллионных масс России в октябре. Обратимся к соответствующим данным. На выборах в городские думы большевики получили: в Петрограде – 33,4 % голосов, в Москве – 11,6 %, по губернским городам 7,5 %, по уездным – 2,2 %. На выборах в Учредительное собрание они набрали 22,5 %, то есть менее четверти населения поддержали партию Ленина. Довольно существенный выигрыш на выборах в Учредительное собрание был получен за счет армии, проголосовавший за РСДРП (б). На Северном фронте за большевиков было подано 56,2 % голосов, на Западном – 65 %. В Балтийском флотском округе большевики собрали 58,2 % голосов, а в самом Кронштадте – 83,8 %.

Исследования отечественных историков показывают, что к октябрю 1917 года партия опиралась на 78 тыс. солдат Петроградского гарнизона. Кроме того, 15 тыс. моряков Балтийского флота были решительными сторонниками большевиков. Наконец, в распоряжении Военно-революционного комитета находилась Красная гвардия, насчитывавшая около 40 тыс. бойцов. Численность же войск Временного правительства не превышала 8 тыс. человек.

Тем не менее нет оснований говорить о том, что большевики имели на своей стороне большинство народа. Значительная часть населения России в критические дни Октября была пассивна и безразлична к тому, что происходило в стране. Апатия и равнодушие масс являлись следствием того, что народ устал от слов и резолюций. В революционные периоды требовались не слова, а дела. Достаточно своеобразно ленинцы подходили к определению понятия «большинства», трактуя его не формально, а сточки зрения реального политического соотношения сил

революции и контрреволюции. По мнению вождя большевиков, критерием силы и влияния революционных слоев общества должно служить не количество, а решающий перевес сил революции над силами реакции в момент завоевания политической власти.

Жестким, бескомпромиссным политическим стратегом, заряженным на захват власти в стране любыми средствами, показал себя В.И. Ленин. Вернувшись из Швейцарии, где он находился в эмиграции, Ленин выдвинул принципиально новую, не имеющую ничего общего с марксизмом, программу. Она в корне расходилась с той, которую отстаивали другие лидеры партии (Каменев, Сталин, Молотов), взгляды которых Ленин охарактеризовал как «старо большевистские». Ленинская программа («Апрельские тезисы») исходила из того, что буржуазно-демократическая революция в стране закончилась, и необходимо было готовить социалистический переворот. Вместо условий поддержки, на чем настаивал Каменев, Ленин выдвинул лозунг: «Никакой поддержки Временному правительству». Особая позиция Ленина по многим принципиальным вопросам привела к расколу в рядах социалистического движения. Не было ничего удивительного в том, что лидеры социалистических партий резко критиковали «Апрельские тезисы», характеризуя их как «бред», «контрреволюционную пропаганду», «возбуждение пламени гражданской войны»: никто из них не мог представить себе перехода отсталой, к тому же разоренной, ослабленной войной страны с подавляющим большинством крестьянского населения к социализму. Программа встретила сопротивление в большевистской среде. Более того, первоначально Ленин оказался даже в явном меньшинстве.

В развернувшейся полемике против ряда положений ленинского документа выступил А. И. Рыков, В. П. Ногин, П. Д. Смидович, С. Я. Багдатыев и др. Наиболее последовательным и теоретически подготовленным защитником «старо большевистских» взглядов оказался Л. Б. Каменев, который и стал главным оппонентом В. И. Ленина.

Не прошло, однако, двух-трех недель, как от этого сопротивления практически не осталось и следа. За Лениным, за его экстремистскими призывами пошли молодые члены партии, те, кто

был одержим идеями социализма, революционного насилия, кто рвался в бой и жаждал захвата власти. На Апрельской конференции (24–29 апреля) каменевское руководство было отодвинуто. Верх взяли новоприбывшие эмигранты, прежде всего Ленин и Зиновьев. А когда в мае к ним примкнул вернувшийся из эмиграции из США Л. Д. Троцкий, их позиции еще более укрепились. Большевики твердо взяли курс на социалистическую революцию. Победе ленинской линии способствовало и поведение страны, что проявилось в первом массовом выступлении рабочих и солдат против политики Временного правительства, взявшего курс на продолжение войны.

Источники.

Отрывки из дневника императора Николая Александровича Романова

«1 марта. Среда.

Ночью повернули с Малой Вишеры, так как Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь. Видел Рузского. Он, Данилов и Саввич обедали. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам, Господи!

2 марта. Четверг.

Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы бессильно что-либо сделать, так как с ним борется с.-д. партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. В 2 ½ ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте, в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!

3 марта. Пятница.

Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем деле. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в Могилев. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексеева в вагоне. В 9 ½ перебрался в дом. Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев в Учредительного Собрания. Бог знает, что надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились – лишь бы так продолжалось дальше».

Хрестоматия по истории России первой половины XX века (Спорные вопросы истории) / состав. И. С. Хромова/ – М. : Ин-терпракс, 1995. – С. 112–113.

И. А. Бунин. Миссия русской эмиграции.

(Отрывок из речи, произнесенной в Париже 16 февраля [1924])

«Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще человека. Падение России не оправдывается. Неизбежна была русская революция или нет? Никакой неизбежности, конечно, не было, ибо несмотря на все недостатки, Россия цвела, росла, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях. Революция, говорят, была неизбежна, ибо народ жаждал земли и таил ненависть к своему бывшему господину и вообще господам. Но почему же эта, будто бы неизбежная революция не коснулась, например, Польши, Литвы? Или там не было барина, нет недостатка в земле и вообще всяческого неравенства? И по какой причине участвовала и во всех ее зверствах Сибирь с ее допотопным обилием крепостных уз? Нет, неизбежности не было, а дело было все-таки сделано, и как и под каким знаменем? Сделано оно было ужасающе, и зная их было и есть интернациональное, то есть претендующее быть знаменем всех наций и дать миру, взамен скрижалей синайских и Нагорной проповеди, взамен древних божеских уставов, нечто новое и дьявольское. Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный огромным и могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и

многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой. Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя полным разгромом буквально всего дома и неслышанным братоубийством, всем тем кроваво-кошмарным балаганом, чудовищные последствия которого неисчислимы и, быть может, во веки непоправимы. И кошмар этот тем ужаснее, что он даже всячески прославляется, возводится в перл сознания и годами длится при полном попустительстве всего мира, который уже давно должен был бы крестовым походом идти на Москву.

Что произошло? Как не безумна была революция во время великой войны, огромное число будущих белых ратников и эмигрантов приняло ее».

Хрестоматия по истории России первой половины XX века (Спорные вопросы истории) / состав. И. С. Хромова. – М. : Ин-терпракс, 1995. – С. 127–128.

Вопросы для анализа

1. С каких позиций и по каким критериям оценивают авторы данных документов события, происшедшие в России в феврале 1917 года?
2. В чем авторы видят корни и причины распада России?
3. Был ли такой поворот истории неизбежен по оценкам участников и современников событий 1917 года? Аргументируйте свое мнение.
4. Чем являлся по оценкам современников 1917 год для России?

Роль личности в Февральской революции

План:

1. Керенский и Корнилов: их роль в истории революции.
2. Парализация власти Временного правительства. Большевицкая оппозиция и смена ее тактики. Борьба за власть.
3. Оценки октября в современной исторической литературе.

Основные узловые проблемы темы.

В течение всего 1917 года Временное правительство теряло популярность среди народных масс. В апреле разразился кризис.

Под лозунгами мира прошли мощные демонстрации в Петрограде и ряде других городов в честь дня солидарности трудящихся масс (1 мая по новому стилю, 18 апреля – по-старому). В этот день министр иностранных дел П. Н. Миллюков направил союзникам ноту, в которой подтвердил военные обязательства России. Документ вызвал бурю протеста на промышленных предприятиях, в казармах. 20 апреля на улицы Петрограда вышли колонны вооруженных солдат и рабочих под лозунгами: «Долой Миллюкова!», «Долой Гучкова!», «Долой захватную политику!». Некоторые плакаты были с надписью: «Долой Временное правительство!». Массы людей стекались со всех сторон в убеждении, что они вышли на улицу по призыву Исполкома Петроградского Совета. Руководители Совета немедленно послали делегатов к Финляндскому полку и к манифестантам, чтобы объяснить им, что такого призыва они не делали и попытаться уговорить их разойтись. Однако массы вышли из повиновения. Общее возбуждение продолжалось, и новые манифестации возникали стихийно. Активизировались и буржуазные круги. В центре города произошла патриотическая демонстрация в поддержку Временного правительства. Ситуация накалилась, когда стало известно, что главнокомандующий Петроградским военным округом генерал Л. Г. Корнилов отдал приказ вверенным ему воинским частям выйти на Дворцовую площадь с артиллерией. В этот момент страна была на краю гражданской войны. Глубокий внутренний раскол революции был налицо. Исполком Петросовета потребовал от Корнилова увести войска. Приказ генерал выполнил, но, оскорбленный вмешательством Совета в сферу его действий, вскоре подал в отставку.

Критика правительства слева и справа и за авантюризм, и за бессилие привела его к реорганизации. Министры Миллюков и Гучков подали в отставку. Новое правительство было коалиционным: десять министров представляли буржуазные партии, шесть – социалистические. Ключевой пост военного министра занял эсер А. Ф. Керенский. В министерских креслах оказались эсеры В. М. Чернов (земледелия), П. М. Переверзев (юстиции), меньшевики И. Г. Церетели (почты и телеграфа), М. И. Скобелев (труда), энес А. В. Пешехонов (продовольствия).

Апрельский кризис показал, что попытка первого состава правительства игнорировать позицию Советов была сразу же пресечена. Но вхождение социалистов в кабинет министров, при сохранении в основном прежнего курса, несло в себе опасность не преодоления, а углубления кризиса власти с потерей авторитета и влияния уже самих умеренных социалистов и Советов.

Перед роспуском первого состава Временного правительства было обнародовано «Обращение к стране», в котором прозвучало возможное опасение: «Стихийные стремления осуществлять желания и домогательства отдельных групп и слоев по мере перехода к менее сознательным и менее организованным слоям населения грозят разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину и создают благоприятную почву, с одной стороны, для насильственных актов, сеющих среди пострадавших озлобление и вражду к новому строю, а с другой стороны, для развития частных стремлений и интересов в ущерб общим и уклонения гражданского долга... Перед Россией встает страшный призрак междоусобной войны и анархии, несущий гибель свободы. Есть мрачный и скорбный путь народов, хорошо известный истории, – путь, ведущий от свободы через междоусобие и анархию к реакции и возврату деспотизма».

Участие социалистов в правительстве только усилило чувство разочарования и рабочих, и крестьян. Первоначально народным массам коалиционное правительство представлялось не только приемлемым, но и необходимым институтом. Почувствовав политическую силу Петроградского Совета, они надеялись, что их лидеры, войдя в коалиционное правительство, смогут заставить буржуазию признать превосходство Совета в решениях вопросов о войне, о земле и регулировании экономики. Однако в течение нескольких недель они обнаружили, что их лидеры, делившие теперь власть с буржуазными министрами, потеряли свободу действий в исполнении своих обещаний народу. Выступая уже как представители правительства, меньшевики стали требовать от рабочих серьезных материальных жертв даже тогда, когда им не удавалось добиться ничего подобного от предпринимателей. Министр труда М. И. Скобелев заявлял рабочим: «Мы, как представители интересов государства... открыто заявляем: «Стоп вашим притязаниям».

Такая же участь постигла и эсеров. Запутавшись в демагогических популистских призывах, эсеры вдруг обнаружили, что их власть над массами не столь велика, как им казалось. Толпа скорее сбросила бы их, нежели поверила требованиям нового осторожного курса.

Крестьянскую тягу к земле социалисты приняли за социализм. Это была их величайшая ошибка, разочарование пришло быстро и неотвратимо: стихийная жажда крестьян к земле привела к массовым случаям насилия над частными собственниками. По глубокому убеждению А. И. Шингарева, социалисты «приняли первобытный коммунизм примитивных форм народной жизни за социалистические идеалы народа. В бездорожной, безграмотной стране с полунатуральным хозяйством и зависимостью от иностранной промышленности и иностранного капитала они надеются создать царство социализма... Они не только не поняли глубины научного эволюционизма Маркса и его экономического материализма... Они похожи на персонаж из новелл Бокаччо, который хочет «загнать ослов дубиной в рай». Легко поддавшись радикализму, когда речь шла о понятных для них материальных интересах, крестьяне перешагнули «порог дозволенности» в земельных правоотношениях, потребовав от своих мнимых вождей скорого и простого решения аграрного вопроса. Эсеры оказались заложниками своих собственных политических игр. Сознывая, что земельный вопрос требует осторожного, научного подхода, представители социалистической партии выступали с позиции отрицания леворадикальных методов его решения. С другой стороны, эсеры считали себя «крестьянской» партией, что накладывало на них вполне определенные обязательства перед сельчанами. Характерный в этом отношении эпизод – работа I Всероссийского съезда Совета крестьянских депутатов (4–28 мая). Резолюция по аграрному вопросу, принятая съездом, имела элемент двусмысленности. Революционная фраза сочеталась в ней со стремлением успокоить крестьянское население, сохранив законность и порядок в деревне. Постановив, что «все земли, а где по местным условиям необходимо искусственное орошение, то и воды со всеми ирригационными сооружениями без исключения, должны перейти в ведение земельных комитетов ... сбор зерна, сена и хранение хлебов,

улов рыбы, заготовление строевого леса, дров и прочих лесных материалов должны быть поставлены под контроль земельных комитетов и других органов общественной власти... установление арендных цен, порядок внесения арендных денег и определение уплаты сельскохозяйственного труда... должны быть всецело предоставлены местным земельным комитетам», резолюция в то же время призывала воздержаться от захватных действий, способных затруднить дело реформы. Рекомендательный характер такого призыва легко просматривался, не случайно многие крестьянские организации проигнорировали данное обращение. Делегаты съезда были настроены решительно, первый и значительный успех в борьбе с частными владельцами придавал им уверенности. Подлило масла в огонь и выступление В. И. Ленина на съезде. Лидер большевиков выдвинул требование «уничтожение помещичьей собственности тотчас же» и передачи земли крестьянам без выкупа, не дожидаясь созыва Учредительного собрания. Ленин так разъяснял позицию большевиков: «У нас с нашими противниками основное противоречие в понимании того что есть порядок и закон. До сих пор смотрели так, что порядок и закон – это то, что удобно помещикам и чиновникам, а мы утверждаем, что порядок и закон – есть то, что удобно большинству крестьянства... Мы говорим: «пусть решение принимается по большинству; мы хотим, чтобы сейчас, не теряя ни одного месяца, ни одной недели, ни одного дня крестьяне получили помещичьи земли».

Выступление Ленина оказало шокирующее воздействие на президиум съезда, состоявший в основном из представителей партии эсеров. «С большим трудом удалось председателю восстановить во взволнованном после речи Ленина собрании порядок», – писал орган партии эсеров газета Дело народа». «Настроение на съезде было весьма напряженное. Значительная часть делегатов настаивала на том, чтобы немедленно же вся земля была объявлена общенародным достоянием», – вторила ей «Земля и воля».

Призыв большевистского лидера подтолкнул крестьян на захватные действия. В кулуарах делегаты I Всероссийского съезда высказывались в том духе, что по приезде в деревни они будут

руководствоваться не эсеровской резолюцией, а большевистскими лозунгами.

Стремясь ослабить впечатление от выступления Ленина, эсеровское руководство попыталось успокоить взбудораженный зал. Однако крестьяне, услышав то, что они хотели услышать, решительно высказывались в пользу немедленного перехода земли крестьянским массам. В президиум съезда поступило до 150 записок, в которых авторы требовали разъяснения, почему нельзя немедленно объявить землю всенародной собственностью. Эсеры под мощным прессом делегатов уступили, переделав заготовленный ими проект резолюции, включив пункт о переходе всех земель в ведение земельных комитетов.

Безусловно, выступление вождя леворадикальных сил сыграло определенную роль в работе съезда. Но оно лишь выразило то, что в душе крестьянина уже сформировалось – беднота требовала передачи ей частновладельческих земель с первых дней Февральской революции. Выступление лидера большевиков попало на благодатную почву. Однако вряд ли стоит преувеличивать значимость и авторитет Ленина в среде крестьян. О «популярности» его говорит такой красноречивый факт: во время выборов в Исполком В. И. Ленин получил 20 голосов, Г. В. Плеханов – 14, в то время как В. М. Чернов, А. Ф. Керенский, Е. К. Брешко-Брешковская получили каждый по 800 и более голосов. Съезд придал характер «законности» захватам крестьянами земель частных собственников. Несмотря на стремление В. М. Чернова ограничить действие принятой на съезде резолюции путем разъяснения массам, что это только проект, а не закон, что приводить его в жизнь нельзя до созыва Учредительного собрания, все усилия были тщетны. Резолюция служила своего рода юридическим основанием для практического претворения в жизнь вековых устремлений крестьянства. В начале июня из Керенского уезда Пензенской губернии доносилось: «Резолюция Всероссийского крестьянского съезда, дополненная 31 мая резолюцией Керенского крестьянского совета и неправильно понятая на местах, порождает сельскохозяйственную разруху: скот и инвентарь описываются и отбираются, запрещается вырубка леса, пасется скот на частновладельческих лугах и пр.». Такое же сообщение пришло из Сибирской губер-

нии: «... захваты приняли решительный характер после резолюции Всероссийского крестьянского съезда. Борьба против этого захватного движения было совершенно невозможно, так как все крестьянство, основываясь на словах делегатов-крестьян, знало, что резолюции Всероссийского крестьянского съезда выработаны были при участии министра земледелия В. М. Чернова... Особенно ярко сказалось на резолюции Симбирского уездного крестьянского съезда, состоявшегося после Всероссийского, каковые резолюции... заявляли о правомерности захватов... Таким образом, в настоящее время большая часть земель частных владельцев, так или иначе, перешла в распоряжение крестьян». Могилевский губернский комиссар в докладе Временному правительству отмечал: «Аграрное движение началось здесь около половины апреля и, выражаясь вначале в погромах и лесорубках, на первых порах носило характер отдельных, сравнительно немногочисленных эксцессов, почему борьба с ними при помощи местных демократических организаций не представляла для комиссариата большого затруднения и велась довольно успешно. Так продолжалось дело до половины июня, когда картина резко изменилась: к этому времени возвратились в губернию участники состоявшегося в Петрограде Всероссийского съезда крестьянских депутатов, удостоверившие, что разрешение земельного вопроса на местах самими крестьянами одобряется съездом и не идет вразрез с программой министерства земледелия. Соответствующие идеи, высказывавшиеся по этому поводу на губернском съезде крестьянских депутатов, а затем повторенные на таких же уездных съездах, нашли благоприятную почву, и аграрное движение, приобретшее с этих пор характер планомерного и организованного, быстро охватило всю губернию».

Непросто складывались отношения Временного правительства с национальными районами России. Уже в марте 1917 года на Украине ряд политических партий и организаций создал Центральную Раду, которая возглавила национально-демократическое движение. В мае она решила добиваться от Временного правительства немедленного провозглашения особым актом принципа национально-территориальной автономии Украины. Предполагалось, что в ее состав должны были войти

восемь украинских губерний, а также территории южного берега Крыма, некоторых уездов Курской, Воронежской, Бессарабской губерний, Донской области и Кубани с преимущественно украинским населением.

Осенью 1917 года разгорелась борьба за Черноморский флот. С кораблей «Воля» и «Память Меркурия» было списано около половины всего состава матросов-неукраинцев, на судах подняты вместо Андреевского украинские национальные флаги. Морской министр контрадмирал Д. Н. Вердеревский 16 октября послал Центральной Раде в Киев телеграмму следующего содержания:

«Подъем на судах Черноморского флота иного флага, кроме русского, есть недопустимый акт сепаратизма, так как Черноморский флот есть флот Российской республики, содержащийся на средства Государственного казначейства. Считаю Вашей нравственной обязанностью разъяснить это увлекающимся командам Черноморского флота».

Серьезной остроты достигло противостояние Временного правительства с населением Финляндии после решения о роспуске сейма. К сентябрю накалилась обстановка в Туркестане. Ввиду того, что Ташкентский Совет сместил командующего округом, установил контроль за почтой, телеграфом, казначейством Временному правительству пришлось восстанавливать свою власть в городе силой.

Подобные факты свидетельствовали о том, что правительство не имело четкой концепции государственного устройства страны и постоянно опаздывало реагировать на общественно-политические процессы.

Коалиционное правительство, созданное вскоре после апрельских событий, не устранило причин кризиса. Разруха продолжала усиливаться. В мае в большинстве промышленных районов страны происходили стачки рабочих с требованием улучшения экономического положения; в деревнях крестьяне, не дожидаясь Учредительного собрания, отбирали у помещиков землю; солдаты выражали свое негодование «Декларацией прав солдата», введенной в действие военным министром Керенским, которая предоставляла командирам право применить в боевой обстановке оружие против не подчиняющихся солдат. В полках

Петроградского гарнизона ширилась кампания за проведение демонстрации против политики Временного правительства. 23 мая собрание Военной организации при ЦК РСДРП (б) сочло целесообразным провести в Петрограде совместную демонстрацию солдат и рабочих под большевистскими лозунгами. 6 июня было проведено совещание членов ЦК РСДРП (б), Военной организации и Исполнительной комиссии Петербургского комитета большевиков. В ходе обсуждения выявились две точки зрения. Ленин, которого поддерживали Сталин и Свердлов, считал необходимым организовать мирную демонстрацию с требованием перехода власти к Советам. Против демонстрации выступили Зиновьев, Каменев, Ногин. Зиновьев считал, что для проведения демонстрации у революции нет сил. Ногин обвинил Ленина в том, что тот «предлагает революцию», когда мы в стране в меньшинстве. Совещание никакого решения не приняло, но предложило собрать более точные сведения о настроениях солдатских и рабочих масс. 8 июня состоялось новое совещание представителей всех партийных организаций Петрограда и многих воинских частей. Из сообщений выяснилась картина нарастающего движения масс, что предопределило решение большевиков о проведении демонстрации 10 июня.

Заседавший в те дни I Всероссийский съезд Советов принял решение о запрещении всяких уличных манифестаций в течение трех дней. Большевики были поставлены в довольно сложное положение. Они не могли идти против воли съезда, так как авторитет Советов среди рабочих и солдат был все еще достаточно высок. С другой стороны, у некоторой части большевистского руководства было огромное желание «поиграть мускулами», проверить себя в деле. По предложению Ленина во дворце Кшесинской состоялось заседание ЦК РСДРП (б). В заседание участвовали 5 членов ЦК из 9. Зиновьев, Каменев и Ногин высказались за отмену демонстрации. Ленин и Свердлов при голосовании воздержались. Тем не менее, решение было принято: отказаться от манифестации. Одновременно эсеро-меньшевистское руководство Петроградского Совета назначило массовую демонстрацию на 18 июня, рассчитывая провести ее под своими лозунгами. Вопреки этим расчетам, демонстрация, в которой участвовали не менее 500 тыс. человек, прошла под ло-

зунгами большевиков, которые также приняли участие в манифестации. Успех большевиков 18 июня был настолько очевиден, что даже меньшевики и эсеры вынуждены были это признать.

Буржуазно-политическое правительство пыталось укрепить свои позиции с помощью нового наступления на Юго-Западном фронте. Это была явная авантюра; все сводки, данные показывали, что распад армии продолжался, солдаты не хотели идти в бой. Газета «Новое время» опубликовало письмо стрелков сибирской дивизии на имя военного министра А. Ф. Керенского и верховного главнокомандующего генерала А. А. Брусилова: «Вы просили нас, чтобы мы наступали на германцев. Нет, мы на германца наступать не будем, а будем наступать в скором времени на русских буржуев, мы их всех переколем на штыках».

Уже в ходе военных действий участились случаи самовольного ухода солдат со своих позиций. Об этом свидетельствует телеграмма военного министра от 26 июня 1917 года: «... Объявить всем солдатам, что приняты решительные меры против тех, которые будут самовольно уходить, сзади имеются особые команды, и всех задержанных будут арестовывать, ибо тот, кто не желает исполнить свой гражданский долг перед Родиной, не должен пользоваться свободой и ее благами. Задержанных, самовольно ушедших с поля сражения ожидают суд и каторга».

Но никакие дисциплинарные меры не могли остановить дальнейший процесс разложения русской армии.

Наступление, после нескольких дней частичных успехов, захлебнулось. Начался беспорядочный, порой панический отход русских войск. Многие части оказались захлестнутыми волной анархии, некоторые населенные пункты на пути отступления подверглись погромам, грабежам, мародерству.

Весть о военной катастрофе всколыхнула страну. Нарастала угроза гражданской войны. Крайне неуклюже в этой ситуации действовало правительство. Под предлогом военных нужд оно попыталось вывести из Петрограда революционно настроенный пулеметный полк и отправить его на фронт. Ускорило выступление солдат известие о выходе из состава правительства министров-кадетов А. А. Мануйлова, Д. Л. Шаховского и А. И. Шингарева. Расчет либералов был достаточно точным: своим уходом они намеревались поставить меньшевиков и эсе-

ров перед необходимостью одним держать ответ перед негоду-ющим Петроградом.

Солдаты расценили этот шаг буржуазии как наличие политического заговора против революции.

Демонстрация солдат и рабочих, начавшаяся 3 июля, началась стихийно, но с самого начала проходила под большевистскими лозунгами. Вооруженные колонны митингующих двинулись в центр города. Назревала опасность военного переворота. В отличие от апрельских дней Временное правительство действовало более решительно. Опираясь на верные войска, оно встретило демонстрантов огнем пулеметов. Было убито и ранено свыше 700 человек.

На взрыв революции контрреволюция ответила адекватно. В проправительственной прессе началась кампания против организаторов и участников выступления. Главный удар наносился по большевикам. Редакция газеты «Правда» была закрыта, многие руководители РСДРП (б) арестованы. А. Ф. Керенский, став 8 июля премьер-министром, отдал приказ о расформировании участвовавших в демонстрации воинских частей и разоружении рабочих. На фронте вводилась смертная казнь, в срочном порядке создавались военно-полевые суды.

Кадеты были убеждены, что наступил перелом в развитии революции: большевики, по их мнению, были полностью дискредитированы, да и в целом влияние революционно-демократического лагеря подорвано. Поэтому они потребовали укрепления полновластия правительства, устранения какого-либо влияния Советов на политические дела.

Кадеты готовы были пойти на установление военной диктатуры для стабилизации ситуации в стране. Ставка была сделана на генерала Л. Г. Корнилова, который стал в июле 1917 года Верховным главнокомандующим. Среди солдат и офицеров генерал пользовался авторитетом за необычайную храбрость и мужество.

На него возлагали надежды все антисоветские силы: сторонники восстановления самодержавия, приверженцы конституционной монархии, демократической республики. Выдвинутая Корниловым программа милитаризации всех сторон жизни России не вызывала особых возражений у Керенского. Поддерживая

боевого генерала, премьер-министр стремился укрепить политический режим и стабилизировать обстановку, опираясь на армию. Однако у Корнилова и у тех, кто делал на него ставку, имелись собственные намерения и собственные цели. После Государственного совещания в Москве (12–15 августа) Керенский не мог не осознавать явного усиления правых сил. Необходимо было найти пути соглашения с ними, чтобы в случае военного переворота не оказаться за бортом. 23 августа в Ставку в Могилеве, по указанию Керенского, прибыл комиссар Временного правительства эсер Б. В. Савинков. Состоялись переговоры с Корниловым, на которых договорились о выделении Петрограда из пределов Петроградского военного округа, который в свою очередь передавался в подчинение Ставки. На другой день после переговоров началось движение 3-го конного корпуса и некоторых других частей к столице. В этой политической игре Корнилов нарушил предварительную договоренность. 26 августа к Керенскому явился бывший обер-прокурор святейшего Синода В.Н. Львов и от имени Корнилова предъявил ему ультиматум о передачи власти Верховному главнокомандующему. Самому же Керенскому предлагался пост министра юстиции в новом правительстве. Львов был арестован, а Корнилов смещен с поста главнокомандующего. Генерал не подчинился приказу. В нескольких своих обращениях он заявил, что Временное правительство действует по указке Петроградского Совета, где затаилось немало германских агентов. Войскам генерала Крымова было приказано идти на Петроград. Это был антиправительственный мятеж.

В ночь на 27 августа на заседании правительства Керенский потребовал диктаторских полномочий. В ответ министры-кадеты подали в отставку. Разразился глубокий кризис власти.

К концу 27 августа на пленарном заседании ВЦИК был образован «Комитет народной борьбы с контрреволюцией», в который вошли представители Советов и левых партий. Участвовали в комитете и представители большевистской партии, которая получила реальный шанс восстановить свой пошатнувшийся авторитет в массах. Задача Ленина и его сторонников заключалась в том, чтобы показать народу, что хотя меньшевики и эсеры и вступили в борьбу с Корниловым, они ни на йоту не изменили своей политики, направленной на союз с буржуазией. О свой

позиции ЦК РСДРП (б) известил местные партийные организации телеграммой: «Во имя отражения контрреволюции работаем в техническом и информационном сотрудничестве с Советом, при полной самостоятельности политической линии».

Созданный единый общедемократический блок в решающей степени способствовал разгрому военного заговора. 1 сентября в Могилеве был арестован Корнилов.

Августовские события перевернули всю ситуацию в стране. Правые силы потерпели сокрушительное поражение. Они оказались деморализованными. Под влиянием революционного подъема руководство меньшевиков и эсеров качнулось влево: Центральные комитеты меньшевиков (31 августа) и эсеров (1 сентября) признали недопустимым участие кадетов в правительстве.

Казалось, умеренные социалисты проявили готовность разорвать блок с буржуазными партиями. На заседании ЦИК Петроградского совета 31 августа большевики огласили резолюцию «О власти», в которой предлагалось передать власть Советам. Этот поворот был закреплен перевыборами и приходом к руководству большевиков в Москве, в ряде губернских, городских, уездных Советов. Однако позиция меньшевиков и эсеров по отношению к этим революционным организациям изменилась. Социалистические партии сочли функции Советов в основном исчерпанными. Они взяли курс на становление устойчивой системы буржуазной демократии, где места Советам уже не было. Орган ЦИК газета «Известия» писала: «Временную организацию Советов мы хотим заменить постоянной, полной и всесторонней организацией государственного и местного строя жизни. Когда пало самодержавие вместе с ним весь бюрократический порядок, мы построили Советы депутатов, как временные бараки, в которых могла найти приют вся демократия. Теперь на месте барачков строится постоянное каменное здание нового строя и, естественно, люди постепенно уходят из барачков в более удобные помещения по мере того, как отстраивается этаж за этажом». Ориентируясь на чисто западные формы, без учета особенностей страны, социалисты теряли массовую поддержку снизу.

Оставляя Советы, меньшевики и эсеры стремились найти более широкую социальную и политическую поддержку. 14 сентяб-

ря в Петрограде начало работу Демократическое совещание, задуманное как орган, способствующий формированию демократической власти в России, имеющий поддержку большинства.

Вопреки решениям центральных комитетов руководители эсеро-меньшевистского блока пытались доказать, что без коалиции с буржуазией, в том числе с кадетами, революция погибнет, что в стране не созрели условия не только для диктатуры пролетариата, но и для однородной демократической власти. Подобные утверждения аргументировались тезисами об экономической и культурной отсталости России, невозможностью наладить хозяйственную жизнь страны без буржуазии, реакционностью крестьянства. Большевики-интернационалисты выступили против коалиции и предложили создать однородно-социалистическое правительство. Эту идею поддержали левые эсеры, которые образовали самостоятельную фракцию.

Страна все глубже погружалась в пучину кризиса. В октябре 1917 года противостояние различных политических сил Временному правительству еще более усилилось на фоне углубления хозяйственной разрухи. Продукция промышленности за 1917 год сократилась на 36,4 % по сравнению с 1916 годом. Упадок производства наблюдался во всех отраслях промышленности, в том числе машиностроении и металлообработке. Добыча угля в Донбассе в октябре была меньше, чем в феврале, на $\frac{1}{4}$. В целом, по добыче угля страна откатилась на уровень 1911 года. На $\frac{1}{4}$ сократилась выплавка чугуна. Валовая продукция текстильной промышленности в 1917 году по сравнению с 1916 годом уменьшилась на 83 %. С марта по октябрь в стране закрылось около 800 предприятий и увеличилась безработица.

Накануне октябрьского переворота из-за разрыва экономических связей города и деревни, плохой работы железнодорожного транспорта в 20 и 43 губерний Европейской России ощущалась острая нехватка продовольствия. Особенно критическим стало положение Москвы и Петрограда, где запасов муки хватало лишь на несколько дней.

В полное расстройство пришли финансы страны. Огромные расходы Временное правительство покрывало за счет выпуска бумажных денег. За восемь месяцев своего правления оно выпустило кредитных билетов почти на 3 млрд. рублей. Страна была

переполнена бумажными деньгами, а покупательная способность рубля снизилась к концу октября до 6–7 копеек. Реальная заработная плата упала к октябрю до 40–50 % от довоенного уровня. Внешний долг России к концу 1917 года составила 11,2 млрд. рублей. Открывая заседание Временного Совета Российской республик (Предпарламента), А. Ф. Керенский признал: «Мы накануне великого экономического и финансового кризиса».

Осенью процесс радикализации масс достиг апогея. Требования безотлагательного решения насущных вопросов звучали все настойчивей. В силу целого ряда причин решить эти проблемы в рамках закона не представлялось возможным. А несбывшиеся надежды – грозный признак смуты. Ухудшению социального климата в стране, способствовала и угроза голода, подступившая к городам России. Огромное количество телеграмм с просьбами о помощи в снабжении хлебом шли из Астраханской, Витебской, Могилевской, Новгородской, Рязанской, Смоленской, Тульской и других губерний... Еще хуже ситуация с продовольствием складывалась в армии. В докладе делегата Западного фронта по Речинскому уезду Минской губернии коллежского регистратора Гулевича отмечалось: «Надеяться на усиленное поступление продовольствия и фуража в армию при посредстве продовольственных комитетов нельзя по следующим причинам: поставщиками для армии всегда являлись крупные хозяйства, которых в этом году почти не существует. Часть из них не производила посевов за отсутствием рабочих рук и живого инвентаря, а часть владений самовольно захвачена и потравлена соседними крестьянами. Причинами для захвата послужило следующее обстоятельство. Когда стали говорить, что все казенные, помещичьи и другие земли должны перейти к трудящимся на ней, местные (деревенские) комитеты, в большинстве случаев составленные из освобожденных уголовных преступников и лиц, живущих на чужой счет ... начали производить захваты... Было много случаев, когда крестьяне или совсем не убирали своих сенокосов или же сдавали их в аренду, а сами захватывали частновладельческие».

Осенний период характеризовался увеличением доли стихийности в крестьянских выступлениях, что толкало страну на путь гражданской войны. В течение многих лет отечественные исто-

рики шли в фарватере ленинского положения о том, что «стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости». По мнению вождя большевиков, стихийность выступлений – это зачаточная форма сознательности, создающая благоприятную среду для привнесения в массы революционных идей и лозунгов. Наивно полагать, что большевики пользовались значительной поддержкой среди крестьянства. Оснований для такого вывода явно недостаточно. Как правило, любые стихийные захваты земель крестьянами объяснялись агитацией экстремистов. В этом отношении любопытны ответы рязанского помещика Р. Д. Семенова-Тянь-Шанского на анкету о событиях осени 1917 года. На вопрос о том, в какие партии входит крестьянское население, он отвечал, что большевики «ведут за собой все крестьянство». На другой вопрос, действуют ли крестьяне самостоятельно или по указанию из центра и из какого именно, помещик сообщал, что хотя местные деятели и проявляли собственную инициативу, однако несомненно, что они получали инструкции из Петрограда, из большевистских организаций. У страха глаза велики...

События 1917 года совершились вопреки желаниям и стремлениям каких-либо политических организаций. Крестьянство боролось за землю стихийно и неорганизованно. Что касается авторитета большевиков в крестьянской среде, в целом он не был достаточно высок, о чем говорят такие цифры: в 1917 году в сельских районах России были зарегистрированы 203 большевистские ячейки, которые объединяли всего 4122 крестьян. Тем не менее следует признать, что большевистские лозунги все же достигали нужного для партии Ленина результата. Осенью крестьянство уже не считалось с Временным правительством, не желало ждать созыва Учредительного собрания, боясь остаться без земли в результате массовых стихийных переделов частных владений. В Тамбовской губернии, например, упорно распространялся слух, что «если до 20 сентября не разберут землю, после будет поздно».

Большевистская агитация, носившая упрощенный характер, спровоцировала крестьян на насильственные действия. Это произошло в период, когда доверие масс к Временному правительству было уже подорвано. Характерна в этом отношении резолю-

ция крестьян Тучанского сельского общества Харьковской губернии, принятая 12 октября: «Уже пять месяцев прошло, как революция одержала победу, но до сих пор Временное правительство не дало никаких решений ни о земле, ни о мире и ничего не сделало для крестьян. Буржуев удовлетворяют, а крестьян только словами убаготворяют до Учредительного собрания. Тучанское общество пришло к заключению, что власть должна всецело перейти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов».

Резко возросло влияние Советов. Во многих местах они – фактически власть, им доверяют рабочие, солдаты, значительная часть крестьян. В самих Советах, наибольший авторитет приобрели те, кто выступал за передачу им власти, как в центре, так и на местах, кто откликнулся на нужды самых обездоленных слоев русского общества. Этой силой были большевики, учитывавшие настроения масс в эпоху революционных потрясений, подстраивавшие свою программу под их требования. И. В. Сталин накануне восстания, 24 октября, в газете «Рабочий путь» писал: «... Рабочие, солдаты, крестьяне, казаки, все трудящиеся! Хотите ли вы, чтобы вместо нынешнего правительства помещиков и капиталистов стало у власти новое правительство рабочих и крестьян? Хотите ли вы, чтобы новое правительство России объявило требованию крестьян отмену помещичьих прав на землю и передало все помещичьи земли без выкупа крестьянским комитетам? Хотите ли вы, чтобы новое правительство России обнародовало тайные договоры царя, признало их необязательными и предложило всем воюющим народам справедливый мир? Хотите ли вы, чтобы новое правительство России обуздало вконец локаутчиков и спекулянтов, намеренно обостряющих голод и безработицу, разруху и дороговизну? Если хотите этого, соберите все свои силы, встаньте поголовно, как один человек, устраивайте собрания, выбирайте делегации и изложите свои требования через них съезду Советов, который открывается завтра в Смольном».

Пытаясь разобраться в причинах, обусловивших победу экстремистского крыла российской социал-демократии, М. И. Либер, выступая на чрезвычайном съезде меньшевиков (30 ноября – 7 декабря 1917 г.) сказал: «Ложь, что массы идут за большевиками. Наоборот, большевики идут за массами. У них

нет никакой программы. Они принимают все, что массы выдвигают. Поэтому ясно, что они должны были победить там, где не могли победить мы. Нам приходилось указывать рабочим не невыполнимость их требований. Большевики же принимают все».

Укрепляя свои позиции в Советах, сторонники Ленина, тем не менее, готовили восстание с целью свержения Временного правительства, хотя сама логика событий в стране подводила большевиков к мысли о необходимости созыва II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, назначенного на 25 октября 1917 года. Именно этот форум должен был поставить в повестку дня вопрос о власти. Будучи реалистом, Ленин прекрасно сознавал, что съезд вряд ли поручит большевикам сформировать новое правительство, поэтому необходимо было использовать благоприятные условия и привести свою партию к власти. Расчет делался на то, чтобы до 25 октября осуществить вооруженное выступление, захватить власть, вручить ее Петроградскому Совету, чтобы тот поставил Всероссийский съезд перед свершившимся фактом. Такая тактика оказалась успешной. По воспоминаниям современников, немногие в Петрограде ощущали атмосферу вооруженного восстания. Большевистские силы шаг за шагом устанавливали свой контроль в городе.

Бессилие Временного правительства в эти дни и часы было поразительным. В решающей степени это явилось следствием потери им практически всякой поддержки. В час ночи 26 октября подпоручик Шер (начальник политического управления военного министерства) докладывал в Ставку верховного главнокомандующего: «Сутки тому назад штаб округа должен был констатировать, что он опирается лишь на женский батальон, две-три роты юнкеров, роту ударников и группу офицеров, пришедших из госпиталей. Броневые машины заявили, что не желают активно бороться за Временное правительство и к утру ушли».

Три казачьих полка, находившихся в Петрограде, в течение всей ночи вели переговоры относительно своего прихода к Зимнему дворцу и к утру прислали 2–3 сотни, рассеявшиеся к сегодняшнему вечеру».

История повторилась: в феврале 1917 года некому было защищать царский режим Романовых, в октябре в изоляции оказалось Временное правительство.

Поразительно что, но практически без сопротивления Петроград оказался в руках большевиков. В течение двух дней немногочисленные отряды рабочих, солдат и матросов захватили ключевые объекты столицы, заняли Зимний дворец, арестовали Временное правительство. II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, открывшийся вечером 25 октября, провозгласил переход власти к Советам в центре и на местах. К сожалению, социалистам не удалось убедить большевиков в необходимости создания коалиционного правительства. Особенно активно поддерживал эту идею меньшевик Ю. Мартов. В своем выступлении на съезде он говорил: «Задача съезда заключается прежде всего в том, чтобы решить вопрос о власти. Этот основной вопрос съезд нашел если не решенным, то предрешенным, и мы считали бы свой долг неисполненным, если бы не обратились к съезду с предложением сделать все необходимое для мирного разрешения кризиса, для создания власти, которая была бы признана всей демократией... Мирный исход возможен... необходимо избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями».

Такой ход событий не устраивал сторонников Ленина. В ответ на обвинения большевиков в заговоре против революции Л. Троцкий в жесткой форме заявил: «Восстание народных масс не нуждается в оправдании. То, что произошло – это восстание, а не заговор... Народные массы шли под нашим знаменем, и наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю: с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда? (Часть делегатов – меньшевики и правые эсеры в знак протеста против большевистского заговора покинули зал заседаний. – Г. К.) Нет, тут соглашение не годится. Тем, кто сегодня ушел, и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы – жалкие единицы, вы банкроты, ваша роль сыграна, и отправляйтесь туда, где вы нам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории!»

Уникальный шанс развития событий по пути демократии был упущен. После ухода социалистов большевикам не составило большого труда закрепить свою победу. Учитывая печальный опыт Временного правительства, растерявшего кредиты доверия из-за нежелания решать насущные задачи революции до созыва Учредительного собрания, Ленин вынес на съезд самые важные из них. Были приняты важнейшие документы: «Декрет о земле», «Декрет о мире», постановление «Об отмене смертной казни», резолюция против погромного движения, «Декрет о создании правительства». В последнем постановлении говорилось: «Образовать для управления страной, вплоть до созыва Учредительного собрания, *временное* (выделено мною – Г.К.) рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров». Правительство состояло только из большевиков. Контроль за деятельностью СНК, право смещения наркомов принадлежало избранному на съезде Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету (ВЦИК). Председателем ВЦИК стал видный представитель большевистской партии Л. Б. Каменев, который пробыл в этой должности неделю, затем его сменил Я. М. Свердлов.

Октябрьские события 1917 года – это военный переворот, произведенный по классической схеме: активная роль армии, боевых красногвардейских дружин, насильственное устранение правительства, признанного Советами. Существует значительное количество документов, характеризующих действие большевиков как путч. В декларации фракции меньшевиков-интернационалистов от 25 октября 1917 года отмечалось: «... переворот, отдавший власть в Петрограде в руки Военно-революционного комитета за день до открытия съезда, совершен одной лишь большевистской партией средствами чисто военного заговора... Единственным исходом из этого положения, который еще мог бы остановить развитие гражданской войны, могло бы быть соглашение между восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства. Даже сами большевики называли эти события октябрьским переворотом. Абсолютное большинство населения России участия в них не принимало. Поддержка большевиков массами была условной, до тех пор, пока

левое крыло социал-демократии поддерживало идею Советской власти. Ленин всячески подчеркивал приверженность своих сторонников идеалам демократии: «Ваши Советы – отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы». Но Советам так и не суждено было реализовать свои властные полномочия. Большевистский режим жестко контролировал политическую и общественную жизнь страны, уничтожая последние остатки демократии.

Источники.

«... борьба за власть началась»

Из письма А.В. Луначарского к жене.

25 октября 1917 г.

«...Пишу утром 25. Фактически борьба за власть началась. Можно сказать, что в наступление первым пошел Керенский. Обстоятельства 24-го ты знаешь из газет. Поэтому пишу тебе только то, что касается меня. Я весь день провел в Думе, то есть сначала на заседании (экстренном) Управы, а потом Думы. Я говорил и там и здесь. Главное – в Думе, где говоришь публично, где совершается политический акт. Политически я, конечно, солидаризовался с большевиками. Для меня ясно, что вне перехода власти к Советам нет спасения для России. Правда, есть еще выход – чисто демократическая коалиция, то есть фронт: Ленин, Мартов – Чернов – Дан – Верховский. Но для этого нужно со всех сторон столько доброй воли и политической мудрости, что это, по-видимому, утопия.

Итак, политически я защищал эту идею, практически советовал городу принять меры для охраны жизни, имущества граждан, для борьбы с хулиганами, с разгромом хлебных и спиртных складов, для организации Красного Креста и т. д. Официальное предложение городского головы напоминает мое, но само поведение с-ров ясно свидетельствует, что в этот решающий момент они чувствуют себя ближе к кадетам, чем к нам.

Что произошло сегодня ночью, я еще не знаю. Вчера какой-то провокатор убил городского инспектора милиции, призывавшего толпу на Невском расходиться.

Резолюция Совета Республики как бы открывает слабую надежду на исход компромиссный и более или менее мирный. Ну, проживем-увидим. Ждать недолго. Сегодня-завтра все должно решиться по трем точкам:

1. ... Либо Временное правительство победит целиком, тогда реакция может быть медленная, но верная.

2. Либо Петроградский Совет победит целиком. Тогда ряд спасательных революционных мер, но какая тяжесть ответственности, какие чудовищные трудности.

3. Либо... демократическая власть без цензорных элементов [без буржуазии. – Ред.]. Созыв Учредительного собрания при толковой оппозиции большевиков, может быть, при участии их в общедемократическом правительстве, и тут трудности велики, но это – лучший исход...

Страшные, страшные времена, на кончике остря. Много страданий, волнений, может быть, преждевременной гибелью они грозят нам. Но все-таки счастье жить в эпоху великих событий, когда история не трусит лениво и сонно, а птицей летит по бездорожью...»

1. РЦХИДНИ. Ф. 142. ОП.1 Д.12. Л. 137-138.

2. Хрестоматия по истории России 1917–1940 : пособие для учащихся ст. классов с углубл. изучением истории, гимназий и лицеев / сост. М.Е.Главацкий и др.; под ред. М. Е. Главацкого. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Аспект Пресс, 1995. – С. 72–73.

Ж. Садуль. Отрывки из записок о большевистской революции.

1917–1919 гг.

«В Петроград я прибыл 1 октября. Основной вывод из первых наблюдений таков: стремление к миру, немедленному и любой ценой, здесь всеобщее. В этом отношении все без исключения русские, с которыми я встречался, согласны с большевиками – конец войне во что бы то ни стало. Я знаю, что у представителей союзников совершенно другое мнение. Но то, что они не понимают положения вещей, говорит о том, что они не желают его понимать. Они предпочитают мрачной и безотрадной реальности приятные иллюзии, которыми их успокаивают сантимен-

тальные политики, которые еще, может быть, и Правительство, но уже не Революция. Наше же дело связано с Русской революцией, и только с ней. Только на нее мы можем рассчитывать в том, чтобы активизировать действия на фронте...

Петроград. 25 октября 1917 г.

Выступление большевиков началось этой ночью... Час за часом мы узнаем, что вокзалы, государственный банк, телеграф, телефонная станция, большинство министерств постепенно оказываются в руках восставших... Все перекрестки охраняются красногвардейцами. Повсюду патрули, мимо быстро проезжают несколько броневиков. То там, то здесь раздаются выстрелы. При каждом из них зеваки, которых огромная толпа, разбегаются, плюхаются на землю, набиваются в подъезды, но любопытство сильно и вскоре они со смехом собираются снова. (...)

Петроград. 26 октября 1917 г.

Второй день восстания. Хорошие новости для большевиков. Зимний дворец был обстрелян из пушек, взят, затем разграблен. Все предметы искусств, мебель, ковры, картины варварски разрушены. Женский батальон, оборонявший дворец, взят в плен и отведен в казарму, где несчастные, как говорят, были зверски изнасилованы. Большинство членов Временного правительства арестованы. Керенский бежал. Армия в руках революционеров. Полки, вызванные Временным правительством, переходят на сторону большевиков. (...)

Петроград. 27 октября 1917 г.

Я не большевик. Я вижу, сколь велико зло, принесенное России демагогической пропагандой большевиков. Я вижу даже, что можно было сделать и что не было сделано, чтобы отсрочить их выступление, разделить его, отвести его. Сегодня же большевизм – это факт. Я его констатирую. Он – сила, которой, на мой взгляд, никакая другая сила в России не может противостоять. Речь идет о том, чтобы выяснить, может ли эта сила быть использована на общие цели, преследуемые Антантой и революцией. Болезнь налицо. Она глубока и неизлечима. Но я думаю, что вирус большевиков может быть излечен большевиками же и ими одними».

Хрестоматия по истории России первой половины XX века (Спорные вопросы истории) / состав. И. С. Хромова. – М. : Интерпракс, 1995. – С. 138–141.

Вопросы для анализа

1. С каких позиций и по каким критериям оценивают различные политические и общественные деятели октябрьский переворот 1917 года?

2. Можно ли считать, что победа большевиков в октябре 1917 года – это закономерность? Или случайность?

3. Постарайтесь воспроизвести настрой общества в 1917 году.

4. К каким ближайшим и дальним последствиям могла привести победа большевиков?

Библиографический список

1. Зуев, М. Н. История России [Текст] : учебное пособие для бакалавров: по дисциплине «Отечественная история» для студентов высших учебных заведений неисторических специальностей / М. Н. Зуев. – 2-е изд. перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2012. – 655 с.
2. Керенский, А. Ф. Россия на историческом повороте: мемуары [Текст] / А. Ф. Керенский. – М. : Терра, 1996.
3. Кириллов, В. В. История России [Текст] : учебное пособие для академического бакалавриата / В. В. Кириллов. – 6-е изд., перераб и доп. – М. : Юрайт, 2015. – 665 с.
4. Кольшков, И. И. Великий распад [Текст] : воспоминания / И. И. Кольшков. – СПб. : Нестор-История. – 2009.
5. Сахаров, А. Н. История России с древнейших времен до наших дней [Текст] : учебник. Т.1 / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков. – М. : Проспект, 2014. – 766 с.
6. Сахаров, А.Н. История России с древнейших времен до наших дней [Текст] : учебник. Т.2 / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков. – М. : Проспект, 2014. – 766 с.

Учебное издание

Геннадий Николаевич Кочешков

Новейшая отечественная история (1917–1945 гг.)

Часть I

Учебно-методическое пособие

Редактор Т. В. Шаркова

Подписано в печать 12.12.2017. Формат 60x90/16.
Объем 3,75 п.л., 2,8 уч.-изд. л. Тираж 100 экз. Заказ № 295.

Редакционно-издательский отдел
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского»

Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльская наб., 44
Тел.: (4852)32-98-69